
ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
'70
6

Эдуард КОРПАЧЕВ

ВСАДНИК НА ЛУГУ

Рис. Е. Скрынникова

Рассказ

Так хотелось Михе отзываться смехом на это игривое тоненькое ржание жеребенка, так нравилось ему смотреть, как жеребенок качается в травах и, спугивая мошек, подрагивает рыженькой кожей, так любил он тонконогого и головастого конька своего, что сами собою складывались слова: «Жеребенок на лугу заржал... Жеребенок на лугу заржал!» Дальше никаких слов не было, но они должны были прийти, эти слова о том, как жеребенок стучит копытцем о землю и замирает с полусогнутой ногой, точно слушая ответный гул земли, как подрагивает, трепещет кожей, как несется потом по бесконечному вечереющему лугу, по некошеным травам, таким спелым и с такими фиолетовыми метелками, — должны были прийти слова и дальше, а пока томили Миху лишь первые, лишь начальные: «Жеребенок на лугу заржал... Жеребенок на лугу заржал!»

И снова сумерки пали на необозримый луг, отчего луг стал как бы сырым и лиловым, снова замерли на земле птицы, живущие весь день над лугом, в вышине, замерла близкая большая река Днепр, и снова голубой дымок от костра стал восходить к небу — так сильно пахнущий горелой землею дымок. Фыркнув на этот дымок, жеребенок поскакал в простор луга; теперь он долго будет носиться в темных сумеречных лугах, теперь его не дозовешься; и все-таки Миха с пылающими от костра, теплыми щеками поднялся и, слепой на мгновение, с вытянутыми руками подался следом, побрел в густой, путавшей ноги траве. И жеребенок был то заметен, то пропадал в овражках, в логах, то вновь появлялся на виду, такой быстрый, все скачущий, то опять исчезал, как бы забирая под землю свое ржание, и когда слышал Миха это ржание, то тихо и счастливо смеялся.

А тьма распространилась вокруг, едва вернулся Миха к наладившемуся костру, ночь была и над травами, и над кустами, и над рекой, и ничего с реки, никакого

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

звука, никакого плеска не доносилось, точно забыли реку и буксиры и люди, зато из деревни слышался теперь робкий за далью, но все повторяемый звон. Там, в деревне, где-то в мастерских, готовили, наверное, к работе сенокосилки, и уж скоро выедут сенокосилки на луг, можно будет захмелеть, одуреть от запаха срезанной и вянущей травы, и как хорошо будет жеребенку бегать, крепнуть, становиться конем на преобразившемся, голом, уставленном стогами лугу!

Вот он, вот он опять заржал тонко, пронзительно, играющий во тьме жеребенок...

Ах, прекрасно жить летом на лугу, выгонять жеребенка на этот неохватный простор, обвивать шею конька руками и понукать: беги! Прекрасно спать у розовеющего угольками огня в старом батином кожухе, просыпаться в легком ознобе поутру, тревожиться за жеребенка и видеть его детский круп в тумане, в этом рассветном, так быстро тающем дыму!

Нет, никак не мог Миха сидеть у костра, если где-то по темному лугу бродил жеребенок; и он поднялся опять и отошел на шаг-другой, прислушался и, ощущая спиною жар пламени, увидел на земле свою тень, нарисованную костром; и хотя была тень великанскою, все-таки у нее, у тени, у плоского этого Михиного подобия, все было таким же, как у него, у Михи: остренькие, высокие плечи, недавно отросшие, как бы колючие, волосы на голове. И когда Миха помахал рукою, тень эта повторила его движение и тоже помахала богатырской рукой.

Нет, никак не мог Миха спокойно сидеть у костра, и он бы пошел, пошел по густым травам, если бы луг не донес до него топот копыт, и топоток этот все приближался, пока не вырос на виду жеребенок — неузнаваемый, весь огненный на свету костра и даже, кажется, с огненными глазами. И странно: жеребенок уже стоял вкопанно, а топоток все слышался, точно отстал он, этот топоток, и вот нагоняет беглеца, и вскоре все отчетливее был топоток, так что Миха ничего не понимал до тех пор, пока не появилась у костра лошадь, с которой тут же спрыгнул седок, и жеребенок с ними, чужой жеребенок.

Миха даже испугался на мгновение — таким необычным было видение: лошадь, всадник и чужой жеребенок. И он созерцал безмолвно всадника, такого же мальчишку, как сам, ничуть не взрослее, незнакомого и чем-то знакомого, одетого для ночлега: в кепчонке, в плаще-дождевике до пят.

— А-а, Степана Дужика сын, — узнал Миху всадник, поглядев на него вприщур, и тут же обратил маленькие, немигающие глаза на огонь, точно все он узнал и больше ничего ему знать не надо.

— А ты чей? — удивился Миха и даже ладонь ко лбу приставил. — Что-то я тебя...

— Василь Лучицкий, — охотно назвался всадник. — Из Градовья, со второй бригады. — И он повторил солидно и как бы проверяя, говорит ли Михе что-нибудь его имя: — Василь Лучицкий.

— Ну, так давай сюда, садись! У меня и бульба есть, — дружелюбно пригласил Миха всадника, пригласил быть всю ночь гостем у его костра, им веселее будет вдвоем, они бульбы напекут, говорить о разном будут, и кони будут пастись где-то рядом или, как теперь, стоять, помахивая, шелестя шелковыми хвостами, и глядеть на пламя, на эту маленькую зарю. И Миха даже вздрогнул счастливо, представляя теплую короткую ночь без сна, разговоры о чем-нибудь страшном, деревенские байки, но тут же вскочил в гневе, потому что взвизгнул, почти заплакал жеребенок. А ведь он хотел поиграть с чужим жеребенком, доверчиво положил голову на шею чужого жеребенка, и тут лошадь повела ощеренной мордой на него и толкнула или укусила.

И заплакал Михин жеребенок!

— Ты чего?! — не помня себя, крикнул Миха, замахиваясь на лошадь, но та опять повела мордой в сторону Михиного жеребенка, жеребенок взвизгнул вновь; и тогда Миха, почти задохнувшись от обиды, обратил лицо к Василю, который стоял недвижно и равнодушно смотрел на все, незваный, заносчивый гость. — Откуда ты взялся, чужак, и чего стоишь, чего не гонишь свою злую лошадь?

И уже совсем не помнил Миха, как он пошел грудью на этого всадника в плаще, как они схватились и покатились по земле. А уж потом, тяжело дыша, сплевывая изо рта землю, стыдясь внезапной драки, он

стоял на ярком свету, розовый от волнения и сполохов костра, а Василь стоял на расстоянии удара, тоже стряхивал с лица, с губ землю и как-то вразумительно, как-то мудро внушал с прерывистым дыханием:

— Эх ты, биться полез! А может... может, так и надо: чтоб кобыла сперва укусила, а потом признала... А ты — биться!

— А чего... чего она, твоя кобыла? — с дрожью, со слезами спрашивал Миха и кивал на своего жеребенка. — Может, это дите сирота, а?

— Ну? — строго поразился Василь. — А что с ейной матерью?

— Пала она, — с горечью, все тем же дрожащим голосом ответил Миха. — А жеребя — он же дитенок... Один теперь! Ну, мне батя, он бригадир тут, и говорит...

— Я знаю твоего — Степан Дужик,— как бы торопя его рассказ, подхватил Василь.

— ...батя мне и говорит: «Бери, Миха, дитенка на лето, гляди за им». Я и гляжу.

И совсем она не злая, эта гнедая мудрая лошадь.

— Слушай, а как твоего жеребя зовут? — заискивающе уже, с неуходящим стыдом за внезапную драку, спросил Миха, все любуясь играющими жеребятами.

— А никак. Мой пока так бегает, — и гость улыбнулся впервые скупой, взрослой улыбкой.

И Миха засмеялся в ответ на располагающую улыбку ровесника, такого рассудительного, будто уж и много пожившего человека, и подумал, что уже будет искать его дружбы, что станут они в гости один к другому ходить из деревни в деревню или встречаться тут, на этом привольном лугу, и жизнь показалась такой привлекательной: еще непочатое лето впереди, еще июль, август...

А когда Летун и другой жеребенок, повизгивая и трубя о чем-то радостном, побежали во тьму, в ночь, в отсыревшие лога, когда лошадь, поворотя морду, долго

Я даже назвал его по-своему. — И он окликнул властно: — Летун, Летун!

И рыжий жеребенок, ставший огненным в свете костра, подбежал на зов и, танцуя, опасливо косясь глазом на лошадь, ткнулся трепетными губами в голые ладони Михи, ничего не нашел и тут же отлетел прочь. Летун — он и должен легко скакать, носиться и летать, и вот уж снова подбежал Летун к чужому жеребенку, оба взвизгнули, заржали от остроты и новизны знакомства и повернулись один к другому задом, чтобы через мгновение повернуться мордами, и, сталкиваясь, подпрыгивая, ржанием распугивая тишину, они заиграли у костра, на этом ночном приволье!

И Миха обрадованно смотрел на Летуна, как он бегает и тешится, и Василь тоже посматривал, хотя и без улыбки, но добро и сочувственно, и лошадь, показавшаяся поначалу злой, тоже смотрела на играющих и больше не кусала, не отпугивала Летуна, если даже Летун подбегал к ней,

стояла так и слушала ржание и топоток, рассудительный Василь проникновенно глянул из-под кепчонки.

— А нехай они все разом будут.

— Не знаю... — растерянно отвечал Миха, отводя вбок воспаленное костром лицо и как бы глядя во тьму, туда, где были ржание и топоток. — Ну как я за ними один?

— А это я за ними один, — и Василь опять улыбнулся строгой улыбкой взрослого.

И лишь теперь Миха понял, что всадник этот, строгий и рассудительный человек просит отдать Летуна, чтобы Летун был как бы в своей семье, со своим братцем, гнедым безымянным жеребенком, и Летуну так хорошо будет жить при гнедой лошади, при гнедом братце...

— Ну, чего? — в упор спросил Василь.— У нас один колхоз, и, допустим, Степан Дужик против не будет.

— А что?.. — спросил у себя, но вслух

Миха, озаряясь справедливой этой мыслью и так любя сейчас Летуна, так желая ему добра. — А что? И я буду приходить на луг, и ты будешь пригонять их...

— Ага!.. Ты будешь приходить, а я их буду пригонять.

И когда всадник этот, скинув плащ к подножию костра, так что брезентовый плащ его напоминал горку хвороста, предложил Михе ударить по рукам, охотно протянул Миха ему руку и даже готов был обнять всадника за плечи — так доверял он ему, так искал дружбы с ним. И тут же самым сокровенным захотелось поделиться, тут же Миха стал говорить быстро, вполголоса и таинственно, что из Летуна вырастит циркового коня, что он видел однажды по телевизору холеных и грациозных цирковых коней, как они бегают по арене, а наездники на бегу творят фокусы, и вот будет Летун таким же счастливым конем, а он, Миха, он, Миха... И, наклонясь ближе к Василю, оборачиваясь во тьму, точно оберегая свою тайну, Миха высказывал сейчас эту тайну свою. И заглядывал Василю в глаза, и ловил одобрение на его лице, и полунамеком, робким вопросом очень хотел выпытать у Василя его план жизни, потому что время летит, летит, и надо готовиться к жизни.

А там, во тьме, все слышались тоненькое ржание и топоток, и трое — Миха с Василем и лошадь — посматривали в ту сторону, где веселились жеребята, а потом и Миха с Василем стали бродить в травах, оборачиваться на свет костра, уходить все дальше от бездымного пламени и так вскоре оказались у Днепра. Михе все хотелось подарок какой-нибудь сделать серьезному этому всаднику. Миха предложил выкупаться в реке и первый стал сбрасывать с себя одежду, подрагивая отчего-то, хотя тепла ночь, и вода будет теплая.

Да, вода была теплее ночи, совсем теплая вода, хоть спи на воде, и Миха плыл, все время посматривая на Василя, как он тоже плывет. И жаль, что во тьме не видно было, какое блаженство на лице Василя, ведь и сам Миха улыбался теперь, плыл и улыбался неизвестно чему. Ночь, на берегу костер и кони, а ты плывешь тихо, стараясь не обронить с ладони плеск, и впереди еще целое лето — июль, потом август...

Когда послышался невнятный, бормочущий шум работающей машины и обозначились на прямом плесе цветные огни буксира, Миха поспешил на берег и Василя поторопил, чтоб он тоже вылез и чтоб смотрели они на буксир, как из засады.

И вот, сидя уже в прилеившейся к телу, очень ласковой, льнущей одежде, подрагивая от неожиданности, оттого, что вдруг с волос за воротник стекала струйка, Миха зачарованно смотрел на приближающиеся огни.

При виде ночных огней буксира он всегда взрослел или воображал себя взрослым, занятым каким-то важным делом в жизни, и вот сейчас, завидуя тем незримым людям на буксире, он опять увидел освещенную арену, нарядных коней и себя, ловкого наездника в лаковых каких-то сапожках, в прилегающих лосинах, в бордовом камзоле. Увидел себя и вновь шепотком рассказал Василю про свой жизненный план, так надеясь заглянуть, конечно же, и в будущую жизнь Василя. Нравился ему этот всадник, этот озабоченный ровесник, и он хотел знать про него, про его будущую жизнь и даже, отчаявшись, напрямую спросил об этом.

— А я и не знаю пока, — честно ответил Василь приглушенным голосом. — Трудодни мне и теперь идут. А там видно будет.

Когда вернулись к укоротившемуся огню, Василь сказал ему:

— Ты ложись. Потом разбужу тебя и сам лягу.

Повинуясь ему с охотой, Миха укутался в кожух и лег лицом к огню, сквозь опадавшее пламя наблюдая за жеребятами, которые уже были здесь, при лошади, и которые казались фантастическими какими-то, красными. И как поочередно, играя, суют эти маленькие красные кони морду в пах лошади, как постригивают ушами — все это видел Миха сквозь редеющее пламя, а потом он увидел своего Летуна большим, настоящим конем, но это уже было во сне. Такой красный, чудесный конь стоял перед глазами! Но во сне, во сне уже все это было: беспощадно освещенная арена, и почему-то огонь посреди арены, и вокруг все носится красный жаркий конь Летун...

Сон этот пленительным видением до рассвета проходил перед его закрытыми глазами; а когда раскрыл он глаза, то различил сизые руины костра, а еще, спохватившись, различил в тумане скрывающихся, как бы уходящих в другой край Василя, и лошадь, и чужого жеребенка, и Летуна. Это было так неотвратимо: уплывает в другой край Летун, исчезает в тумане и сейчас исчезнет вовсе...

И тогда, вспомнив ночной разговор, вспомнив про то, что Летун уже не принадлежит ему, вспомнив этот нелепый уговор, Миха подхватился и побежал следом за Василем, враждебно глядя ему в спину. Теперь он примириться не мог со вчерашним уговором, теперь он проклинал всадника этого, на беду появившегося у костра и так легко сманившего Летуна; и хотя Миха понимал, что никуда не сманили его Летуна, что все равно он будет скакать, и подрастать, и становиться конем на этом лугу и что справедливо оставлять Летуна как бы при братце, все равно все в нем восставало против этого.

Он даже боялся на Василя глянуть в эту минуту, чтобы Василь не прочитал недружелюбия в его взгляде, не смотрел на непрошеного всадника и потом, когда возвращались с реки по травам, слезившимся, унизанным дробными блестками, когда мяли и эти травы, и конский щавель с огненными, как перья петуха, листьями и верхушками, с гроздьями плоских зеленых семян, осыпавшихся на руки, на штаны.

Нет, невозможно привыкнуть к тому, что он уже не будет распахивать конюшню, и Летун не будет тыкаться в ладони, целовать ладони, что не выгонять ему Летуна на луг и не купаться с ним в реке, — до того своим, собственным стал для него жеребенок. Нет, пускай все оставалось бы по-прежнему!

Так, с непроизнесенной мольбою, Миха осмелился глянуть на Василя уже потом, когда Василь вскочил на лошадь и, обернувшись, приветливо обронил через плечо:

— Так ты приходи вечером снова.

И ударил всадник пятками по бокам лошади, и лошадь поскакала в туман, поскакал за нею один жеребенок в туман, поскакал за нею другой жеребенок в туман.

Теперь кричи, окликай Летуна, зови назад... А только не мог Миха крикнуть, потрясенный тем, что так легко покинул его Летун и ушел, исчез в тумане.

Он сел у погибшего костра, с тоскою глядя вокруг, на серые от росы и тумана травы, слушая затихающий топот, и даже приник лицом к земле, чтоб лучше, чтоб и дольше было слышно. А в это мгновение из тумана, из нереальности как раз и заржал Летун — пронзительно так, прощально.

Жеребенок на лугу заржал!

Вот и наступили каникулы — веселая ребячья пора. Отзвенел последний школьный звонок, и заманило, закружило лето. Заворожило пахучими лесными полянами, тихим шелестом реки на перекатах, свежим ветром крутых горных дорог.

Не перечислишь всех маршрутов летних походов. Но у юннатов будет свой главный маршрут, который пролег через опытный участок, сквозь березняки и рощи школьного лесничества, мимо родных полей и лугов. Да, лето прибавляет забот. Многое предстоит сделать, чтобы полновесней и богаче была юннатская осень.

Ленинская дубрава

Веселые от звона ручьев и птичьего гомона, покрытые высокоствольными лесами Карпаты! Здесь раскинулись владения Головецкого школьного лесничества Львовской области. Ребята немало делают для того, чтобы ширился зеленый ковер родных гор.

Сто тридцать гектаров! За день не обойдешь все участки. А надо ведь назубок знать расположение муравейников, птичьих гнездовий, изучить все породы деревьев, отметить на карте родники и поляны.

Гордость юных лесничих — молодая дубрава, посаженная в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Светла и крепка дубрава. Свежей листвой шелестит она под жарким ветром. Тянутся к солнцу, переплетаясь с его лучами, сильные ветви дубов, выращенных юными лесоводами.

Нарядный сад

Почти на пять гектаров раскинулся юннатский сад в средней школе № 2 города Майского. Входишь сюда — и невольно удивляешься. Нет, не цветущим яблоням, грушам и сливам — сад он и есть сад, — а длинным аллеям цветов, протянувшимся в междурядьях деревьев. Их восемнадцать — столько, сколько в школе пионерских отрядов. У каждого отряда своя аллея. На одной пламенеют махровые розы, другая — в белой кипени садовых ромашек, третью украшают темно-красные георгины.

Сад как сад. Яблони здесь дают отличные плоды, тугие солнечные гроздья светятся сквозь зелень виноградных лоз. Но особую прелесть придают саду аллеи цветов. Молодцы юннаты Кабардино-Балкарии! Хорошее задумали дело. И теперь их сад самый нарядный в республике.

Березы на склонах

«Наши рощи, березняки, дубравы», — с гордостью говорят о своих владениях юные лесничие Лаишевской школы Татарской АССР. Они действительно обширны — девять кварталов, за которыми ухаживают ребята. Работы хватает каждому. И каждый в школьном лесничестве старается помочь зеленому другу.

Многое сделали уже ребята.

На 34 гектарах посадили новый лес, взяли шефство над 74 гектарами молодых посадок. Но самым главным делом юные лесничие считают борьбу с оврагами, которых много вокруг села. 112 гектаров — такова площадь зеленого щита, загородившего пашни.

Ребята провели опыт с различными породами деревьев. Какие из них лучше растут по склонам? Они сажали сеянцы сосны, березы, акации, клена, высевали желуди. Получилась интересная картина. Сосна прижилась плохо — ее погубили зимой снеголомы, дуб тоже не выдержал испытания, а вот береза, клен и акация оказались хорошими новоселами. Результаты опытов юннаты передали в леспромхоз.

Покоренная пустошь

Вот уже много лет юные лесничие Аконьярвской школы Карельской АССР восстанавливают леса Поросозерья. Меняются поколения, приходят новые ребята, но забота о лесе остается тем главным делом, без которого не мыслят свою жизнь аконьярвские школьники.

В этом году погода не баловала юных лесоводов. Стояли сухие, знойные дни — за неделю ни капли дождя. Но ребята не отступили. С завидным упорством и настойчивостью выезжали в лес, пересаживали на пустошь саженцы сосны. А потом носили ведрами воду. Сколько было их, этих тяжелых ведер, трудно сосчитать! Потому что двадцать пять гектаров молодого сосняка — цифра огромная.

Когда лесничий Надежда Степановна Куликова сообщила в школу, что почти все саженцы прижились, радости ребят не было предела. Еще одна пустошь покорена!

Душистые яблоки

Годами росли за селом дикие яблони и груши. Никто за ними не ухаживал. И будто от горькой обиды на человека за

свою несправедливую судьбу, деревья с пышной и густой кроной, буйно зеленеющие и цветущие, давали плоды мелкие и кислые.

Несколько лет назад юннаты села Хасаут-Греческое Ставропольского края организовали свое школьное лесничество. Ребята решили привить диким яблоням и грушам культурные черенки. Так и сделали.

Все лето пионеры ухаживали за своим необычным садом — обрезали лишние ветки, чтобы они не заглушали прививки, делали осветление.

И деревья щедро отблагодарили ребят за их заботу и ласку. Этим летом в юннатском саду вокруг села зажглись, будто яркие желто-красные лампочки, крупные и сладкие плоды.

Шуметь хвойному бору

Нет ничего радостнее выращенного своими руками деревца, когда зашумит оно на ветру ласковыми листочками, протянет к тебе свои окрепшие ветви. Каждый в Старабинарадском школьном лесничестве Куйбышевской области испытал такое, потому что всем пришлось немало потрудиться в березовом и кленовом питомниках. Они не так уж велики, но дали жизнь многим деревьям. Отсюда вышло триста тысяч березок, что растут сейчас в лесу, и пятьдесят тысяч кленов, которые украшают улицы поселка.

А еще юннаты помогли леспромхозу вырастить миллион маленьких сосенок. Долго шуметь их хвойному бору.

Безобидные драконы

Еще в дороге мой спутник — биолог — возмущался ограниченностью людей, брезгающих такими милыми созданиями, как ящерицы. Эти безобиднейшие существа считаются и опасными, и нечистыми, чуть ли не воплощающими дьявольскую душу своих отвратительных предков из мезозойской эры. И многих нельзя разубедить.

По правде говоря, я был полностью на стороне неискушенных. Биологу, ему что? У него к этим тварям профессиональная любовь. Но ровно через месяц я вез в Москву клетку, в которой сидело тринадцать ящериц.

Свой первый лагерь мы разбили на окраине барханной пустыни.

— Видишь эти следы?

Мой друг разглядывал тонкую извилистую линию, неясно проступавшую на рассыпчатом песке.

— Это кто?

— Можно попробовать его выследить. Хотя скорее всего ничего из этой затеи не получится.

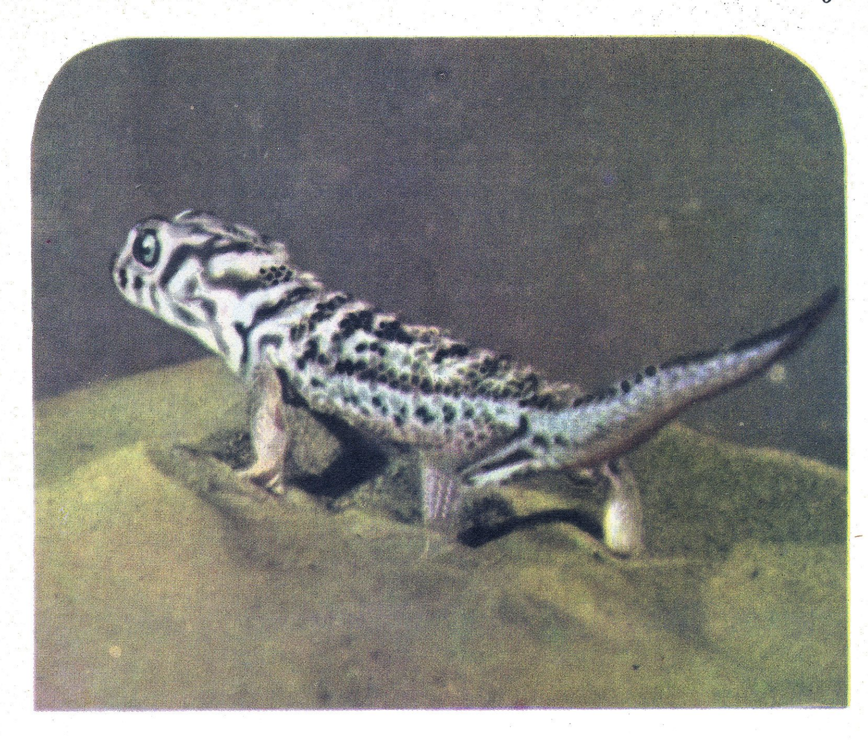
Мы долго распутывали замысловатое кружево, пересекли множество таких же следов и снова оказались у палатки. У ни-ти не было конца.

Мое любопытство было подстегнуто обещанием найти разгадку ребуса на песке в ближайшую ночь. Если, конечно, не пойдет дождь. Оказывается, таинственный незнакомец не переносит ни сырости, ни холода. Так как и то и другое здесь случается не часто, ночная охота была обеспечена.

Мы задули свечу и вылезли из палатки. Стояла волшебная среднеазиатская ночь. Высокие и яркие звезды, прохладная, упругая струя ветра, неожиданно пронизывающая застоявшийся после дня теплый воздух. И ни единой паузы. Все заполнено разнообразными ночными звуками.

— Слышишь этот стрекот? Нет, нет, не цикады. Вот снова, сейчас! Это он трещит хвостом. Сигнал соседям: пора на охоту. Ну вот, спугнули... Слух у него отличный, и видит он ночью великолепно. Тихо! Вот теперь приготовься.

Луч фонарика метнулся по песку и замер. Какое-то мгновение сцинковый геккон

стоял на вершине песчаного холмика боком к нам, почти в той же позе, что и на фотографии, с так же воинственно поднятым хвостом. Затем вздрогнул, повернулся навстречу свету. И замер. Больше он не шевельнулся, будто свет его околдовал. Огромные глаза большеголовой ящерицы неотрывно смотрели на нас. Геккон не казался испуганным или удивленным. Оцепенение его покинуло, когда погас свет. Но к этому времени геккон оказался в клетке.

Весь следующий день мы знакомились. Сцинковый геккон совсем не похож на наших юрких подмосковных ящериц. Скорее он напоминал этакую пятнистую дворнягу, только хвост не кренделем. И бегал он на высоких лапах, и очень смешно облизывался языком, который свободно доставал до глаз.

Но больше всего меня пленила гекконова кожа. Даже на взгляд она кажется очень нежной. Особенно на голове. А вот короткий острый хвост покрыт заходящими одна за другую твердыми пластинками, напоминающими рыбью чешую. Этими чешуйками ящерица и трещит ночью.

Все время приходилось бороться с искушением потрогать геккона пальцем. Казалось, он сам был не против. Во всяком случае, агрессивных настроений не проявлял. Но против был мой друг. Оказывается, сцинковые гекконы весьма своеобразно защищаются. Мало того, что им, как и другим ящерицам, ничего не стоит потерять хвост, они так же легко расстаются ради свободы и со своей роскошной кожей.

Но искушение было слишком велико. Да и времени, как мне казалось, прошло вполне достаточно для установления взаимопонимания. И вот клетка открыта. В руках у меня клок нежнейшей кожицы с гекконова бока, а на дне клетки — хвост, который издевательски трещит (еще одна приспособительная реакция для отвлечения хищника, то есть меня). А вдали удирает сам геккон. Ободранный, куцый, но не унывающий. Как объяснил мой друг, и хвост и кожа для него — вопрос времени.

Потом мы ловили и более красивых ящериц, но геккон навсегда остался для меня самым любимым.

Дольше всех у нас жили щитковые сцинки. Мы их привезли даже в Москву. Сцинки совсем не похожи на сцинковых гекконов. У них упругое тонкое тело, постепенно переходящее в длинный гибкий хвост. Розоватое брюхо резко отличается от темной спины. Сцинк довольно спокойно переносит, когда его берут в руки, и не пытается расстаться со своими блестящими латами.

Этих ящериц мы обычно ловили в селениях. Они живут прямо в колючих изгородях около домов. Если при охоте на геккона приходилось заботиться прежде всего о сохранности ящерицы, то на этот раз царапины зализывали охотники.

Сцинки оказались очень неприхотливыми пленниками. Они с удовольствием ели жуков и даже мучных червей. Подолгу позировали, снисходительно позволяя себя фотографировать.

Но, несомненно, самая красивая ящерица — мабуя. В своем восхищении мы, по-видимому, были не одиноки. Недаром исследователям показалось мало экзотического имени. Полный титул этой ящерицы — золотистая мабуя. У нее очень длинный хвост — наверное, в два раза длиннее, чем туловище. По отсвечивающей медным блеском спине протягиваются четыре темные полосы. Движения мабуи были так естественны, позы, которые она принимала, так грациозны, что совсем не приходилось ломать голову над композицией кадра. Зато потом было невозможно остановиться на лучшем.

По сравнению с элегантными сцинком и мабуей, резвая и яркая зеленая ящерица показалась нам варварски раскрашенной. Попалась она совершенно случайно, довольно высоко в горах. И мы и ящерица решили одновременно напиться из ручья. Дорога была отрезана, и животному не оставалось ничего, как только броситься в воду, что оно мгновенно и сделало. Это был великолепный прыжок, и пловцом ящерица оказалась отличным. Но откуда ей было знать о существовании сачка? В клетке она обсохла и принялась бешено носиться по полу и стенкам. Жильцом зеленая ящерица была непокладистым: кусалась и явно не хотела иметь с нами никаких дел. Особенно досталось моему другу, который держал ее, чтобы дать мне возможность сфотографировать оригинальные щитки, покрывающие голову ящерицы сверху и снизу. А чтобы заставить ее сняться во весь рост, пришлось предварительно устроить холодное купание.

Конечно, самым спокойным жильцом был желтопузик. Неопытный человек ни за что не признает в нем ящерицу. Длинное, узкое тело иногда до метра длиной. И, самое главное, без лап. Безногая ящерица, а по внешнему виду — змея. Но это только на первый взгляд. До змеи желтопузику очень далеко. Ну что это за змея, которая не может свернуться в кольцо? Желтопузик велик ростом, больше любой ящерицы, и прокусить его твердую хитиновую оболочку, наверное, не так просто. Но он довольно неуклюж, особенно на ровном месте. Прыть у него появляется только среди камней или между стволами сухих растений. Здесь для него достаточно точек опоры. Я так и не понял, для чего желтопузику понадобилось лишаться главного преимущества своего племени — быстрых ног, если его неповоротливое твердое тело так и не приобрело змеиной гибкости. Но, может, у него все впереди?

Другой вид безногих ящериц встретился мне уже под Москвой. Вообще-то я не упускал возможности погоняться за маленькими юркими существами, обитающими в траве, среди камней и корней деревьев. Веретенница, или, как ее иногда называют, медянка, похожа на змею еще больше желтопузика, за что и приобрела дурную славу. И очень обидно. Ведь никто не задумывается, что приятный цвет ящерицы и ее манера передвигаться совсем не похожи на змеиную. Хорошо хоть, у веретенницы сохранилась способность расставаться с хвостом. Бедные безногие ящерицы! Вот как плохо останавливаться на полпути в своем развитии.

Е. АЛЕКСАНДРОВ

Рис. В. Карабута

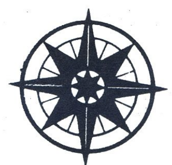
«В Московском зоопарке». **Гравюра Б. Доля**

В недавнем прошлом стада моржей населяли почти все моря Ледовитого океана, но со временем были сильно истреблены из-за шкур, сала и ценных клыков. Особенно пострадали моржи, обитающие в западном секторе Арктики: у Гренландии, Шпицбергена, Новой Земли, Земли Франца-Иосифа, в Белом море. В настоящее время, чтобы восстановить численность этих животных, промысел моржей запрещен не только в Советском Союзе, но также в Норвегии и Америке. У нас моржи сохранились лишь в Беринговом и Чукотском морях, а в западной части Советской Арктики — в море Лаптевых. Именно здесь, в море, носящем имя бесстрашных русских мореходов — братьев Лаптевых, на одном из безлюдных островов нам и удалось наблюдать за этими интересными животными.

СРЕДИ МОРЖЕЙ

Туманным утром наша шхуна медленно продвигалась вдоль восточного берега Таймырского полуострова. Удивительную тишину, которая особенно чувствуется здесь, в высоких широтах Арктики, нарушал лишь монотонный гул мотора, шелест волн за кормой и тоскливый крик одинокой, будто заблудившейся чайки. Иногда у самого борта показывалась голова любопытной нерпы, и животное, привлеченное криками людей, долго сопровождало нас.

Туман изредка рассеивался, и тогда показывались вдали горы, вершины которых покрыты вечным снегом. У самого берега в бинокль можно было различить черный, покосившийся от времени крест — памятник отважным русским землепроходцам, некогда открывшим и освоившим эту холодную и суровую землю.

Наш путь лежал к одному из безлюдных арктических островов. Мы уже находились в миле от цели, когда плотный туман окутал судно и совершенно лишил нас видимости. С капитанского мостика тотчас раздалась команда: «Стоп, машина! Вперед-смотрящий, на мачту!» Резко звякнула ручка машинного телеграфа, и в наступившей тишине гулко протопали по палубе шаги исполняющего приказание матроса. Некоторое время спустя с верхушки мачты послышался возглас: «Прямо по курсу слышу шум!»

Мы прислушались... Откуда-то из глубины тумана на нас накатывался беспрерывный гул, сквозь который иногда прорывались звуки, похожие на рев и лай.

Внезапно туман рассеялся, и мы прямо перед собой увидели узкий песчаный остров, который от множества лежащих на нем животных казался черной извивающейся лентой. Перед нами было огромное лежбище моржей.

Осмотрев животных в бинокль, мы спустили на воду шлюпку и быстро пошли к острову. По пути нам часто попадались моржи. Они высовывались из воды и с интересом рассматривали нас, плыли за шлюпкой, а иногда и подныривали под нее, отчего она подпрыгивала, как мячик. С большим трудом пройдя сквозь скопления плавающих у берега животных, мы высадились на остров.

Моржи лежали в самых разнообразных позах, преимущественно на боку, подвернув задние ласты и уткнувшись клыками в землю или положив голову на соседей. Молодые звери иногда лежали сверху, об-

разуя второй ярус. Теснота часто приводила к дракам. Над стадом то и дело мелькали клыки дерущихся животных, слышался треск мощных ударов. Наиболее яростных забияк можно было отличить сразу по старым, зарубцевавшимся белесым шрамам на шее, груди и боках. От серьезных повреждений моржей предохраняет толстая, четырехсантиметровая, кожа и мощный слой сала — до восьми сантиметров. Не будь этой защиты, нетрудно себе представить последствия удара трех-четырехметровой громадины весом в полторы тонны. Мощных клыков моржей побаивается даже властелин Арктики — белый медведь. В этом мы убедились немедленно.

В полусотне метров от моржей мы заметили крупного медведя, лежащего в вырытой им яме. Выглядывая из-за бревна, он наблюдал за животными. Вдруг медведь

Вот он скрылся за мысом. Моржи, точно вспугнутая ружейным выстрелом стая птиц, продолжали носиться в море, не решаясь сразу выйти на берег. Наконец все успокоилось... Первыми на берег вышли взрослые самцы, за ними молодые животные. Последними ступили на сушу самки с детенышами. Но еще долго звери лежали неспокойно, тревожно озираясь по сторонам. Некоторые моржи оставались еще в море.

Вдоль уреза воды мы поползли к моржам. Животные спокойно реагировали на наше приближение, принимая нас, одетых во все темное, за своих сородичей, отставших от основного стада во время суматохи. Подойдя к моржам метров на пятнадцать, мы улеглись за бревном и стали наблюдать за поведением зверей в воде. Вдруг рядом раздался всплеск, за ним другой, и

Рис. И. Захаровой

резким броском выскочил из укрытия и стремительно ринулся к моржам. Увидев его, животные, в панике наскакивая друг на друга, неуклюжими скачками заспешили к воде. Самки энергичными толчками гнали детенышей в море, а затем подныривали под них, брали себе на спину и, тревожно урча, уплывали от берега. Вслед за ними беспорядочной толпой бросились в воду молодые животные.

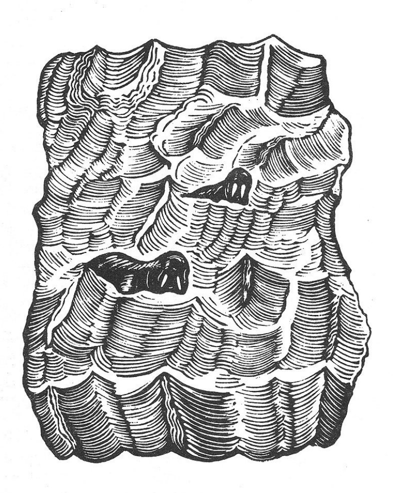
На берегу осталось лишь несколько крупных самцов, которые с достоинством пятились к воде и, ощетинившись клыками, угрожающе ревели. Напасть на них медведь не решился и, только недовольно рыча, беспомощно отмахивался, боясь подойти близко.

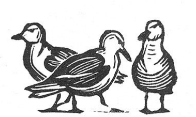
Самцы ушли. Медведь еще некоторое время нюхал воздух и осматривал лежбище в надежде найти задавленного в суматохе моржонка. Но, поняв, что охота не удалась, понуро поплелся вдоль берега.

на поверхности появился морж и с ним самка с двумя детенышами. Один из них был маленький, другой — значительно крупнее. Малыш жался к матери и жалобно потявкивал. Второгодок вел себя независимо. У него уже выросли небольшие клычки, слегка выступавшие из-под верхней губы, но моржонок еще не мог добывать себе пищу сам и, несмотря на «солидный» возраст, питался молоком матери. Очень редки случаи, когда самка ежегодно приносит на свет детенышей, обычно потомство появляется раз в два, а иногда в три года. Поэтому численность животных увеличивается очень медленно.

Удивительно, что моржи, внешне неуклюжие животные, в родной для них водной среде прекрасные ныряльщики и пловцы. Опускаясь на глубину до 50—60 метров, они взрывают клыками морское дно и достают пищу. На небольшой глубине тихого залива не раз приходилось на-

блюдать, как опустившееся на дно животное, повернув голову набок, пашет клыками грунт, взмучивая воду. Благодаря большому запасу воздуха в легких и воздушных мешках, расположенных на шее, моржи довольно долго могут оставаться под водой. Их появление на поверхности сопровождается характерным шумом выпускаемого воздуха. В желудках моржей мы находили до 16 килограммов различной пищи (моллюсков, ракообразных), но никогда не видели раковин. Морж разгрызает раковину и выплевывает ее. Он проглатывает только нежное тело двустворчатого моллюска. Вот почему там, где питаются моржи, часто дно залива бывает усеяно раздробленными раковинами.

Однажды нам удалось поймать замешкавшегося на берегу моржонка. Он все время кричал, и, видимо, по крику мать вскоре разыскала детеныша, хотя судно находилось далеко от берега. Она плавала вокруг шхуны, несколько раз набрасывалась на проходившую мимо шлюпку и сильно повредила ее. Моржиха успокоилась лишь после того, как детеныша спустили в воду. Самка, радостно урча, обнюхала пленника и поплыла прочь.

Вскоре на берегу мы с большим трудом поймали еще несколько моржат. На обратном пути шлюпку атаковали самки. Яростно хрипя, ударяли они клыками о дно шлюпки и стремились опрокинуть ее. От беснующихся животных вода вокруг шлюпки кипела. Отбиваясь веслами и стреляя в воздух, мы с большим трудом отогнали разъяренных животных.

Помещенные на палубу моржата очень быстро привыкали к людям. Особенную симпатию детеныши питали к корабельному коку, который сначала кормил их сгущенным молоком, а позднее остатками с камбуза. Оторванные от матери, они старались найти теплое место — заползали по трапу в столовую, штурманскую рубку и устраивались у отопительных батарей. С крутого трапа моржата спускаться не могли и криками подзывали людей. В поисках «общества» детеныши неотвязно следовали за людьми, тыкались в ноги и одежду.

Разместив новых и не совсем обычных пассажиров, мы под неумолкаемый рев потревоженного стада покинули остров и направились в порт, унося незабываемые впечатления о пребывании на острове среди этих интересных и своеобразных морских обитателей Арктики, нескольким из которых в скором времени суждено было появиться в зоопарках страны.

Л. ПОПОВ,
кандидат биологических наук

ЗВЕРИ-МЕЛОМАНЫ

Было это давно, но не очень. Несколько музыкантов дали необычный концерт — для четвероногих. Аудитория — слоны. А что? Почему бы и им не упиваться гармонией звуков, водопадами ритма?

Арию «О моя нежная волынка» (соло на скрипке) слоны одобрили. Один из квартетов Боккерини (музыкантам он очень нравится) довел слонов до зевоты. Зато слушая «Прелестную Габриэллу», слоны пришли в восторг: они мерно, в такт музыке раскачивали свои массивные туши, размахивали хоботами и трубили.

Вскоре выяснилось: слоны явно предпочитали низкие звуки баса и рога высоким, мелодию — гармонии.

Четвероногие меломаны на свой манер устроили маэстро Дувернуа овацию (он долго играл им на роге): обвили хоботами его тело, как бы лаская и благодаря за доставленное удовольствие.

Воздействует ли музыка на животных? Есть ли у них хоть какой-то музыкальный вкус? Способны ли слоны отличать одну мелодию от другой?

Проверял ли кто музыкальность слонов научно? Да. В 1955 году исследователи Ренш и Райнерт провели в Мюнстере (Вестфалия) в Зоологическом институте эксперименты с индийскими слонами.

Прежде всего им хотелось узнать, различают ли эти животные отдельные тона. Были проведены тщательные лабораторные исследования слоновьего слуха.

Начали с пары чистых тонов: 750 и 500 герц. Первый — положительный стимул, второй — отрицательный. Поясним эти слова.

Животных тренировали по методу условных рефлексов. Когда слониха слышала положительный тон, она протягивала хобот сквозь решетку и ударяла им по крышке специального ящика. Электрическая цепь замыкалась, и хитрое приспособление, приходя в движение, придвигало к слонихе кусочек хлеба — награда за труды.

Но вот звучит отрицательный тон. Слониха не двигается. Она знает: на этот раз лакомства не будет.

Постепенно слоны научились различать шесть пар тонов (звуковой интервал в каждой паре — полная нота). В многочисленных опытах слониха уверенно распознавала все 12 тонов, запомнив их положительное или отрицательное значение. Оказалось, слоны (во всяком случае, индийские!) обладают превосходным слухом. И памятью: спустя полтора года слониха почти без ошибок повторила всю свою музыкальную программу.

Явная музыкальность слонов заинтриговала ученых. Они решили продолжить опыты. Могут ли слоны запоминать какие-нибудь коротенькие, пусть даже примитивные, мелодии?

Здесь исследователи столкнулись с курьезной проблемой: надо было сочинить особые мелодии — для слонов! Не только сонаты, но и «Чижик-пыжик» мог оказаться животным не по силам. Слоновьи мелодии должны быть очень примитивными. И вот что придумали: создали плюс- и минус-мелодии. Каждую плюс-мелодию сопровождало лакомство. Что толку от музыки, если нельзя поесть!

Плюс-мелодия состояла всего из трех нот: первая — любая, вторая — выше первой, третья — ниже второй. Например: до-си-фа. Как видите, любой человек, знающий нотную грамоту, может сочинить музыку для слонов.

Минус-мелодии также компоновались из трех нот, но — и в этом весь фокус — последовательность звуков была обратной: второй тон ниже первого, третий — выше второго, скажем: си-до-ре.

Слониха заучила обе мелодии и никогда не ошибалась. Не будем скрывать, плюс-мелодии нравились ей гораздо больше. Затем исследователи стали варьировать тембр звуков, их интенсивность, слегка повышали или понижали отдельные слагаемые мелодий. Дудки! Слониху не проведешь. Несмотря ни на что, она легко отличала одну мелодию от другой.

Можно ли назвать слоновьи мелодии музыкой? Вопрос, конечно, спорный. Но некоторую крохотную музыкальную одаренность слонов отрицать нельзя.

А теперь о чувстве ритма у животных. Аристотель рассказывает: сибариты учили своих лошадей танцевать под звуки флейты. Эта затея им дорого обошлась. Их враги, кротонцы, воспользовались этим на войне. Когда сибариты хотели перейти в наступление, кротонцы заиграли на флейтах. Привычные к этим звукам лошади начали танцевать, вместо того чтобы идти в атаку...

Еще одно сообщение.

Римский историк, описывая жизнь императора Домициана, приводит любопытный эпизод. Домициан, решив устроить пышное празднество, приказал выдрессировать группу слонов. Животные должны были исполнять балетные номера. Толстокожим танцорам предстояло выучить довольно сложные па и фигуры. У одного из

Рис. Е. Позднева

них дело не ладилось. Его побили палками за неуклюжесть и неумение зазубрить очередное задание. И вот, рассказывают, ясной лунной ночью этот артист, уединившись, по собственному почину старательно репетировал свой урок...

Но это старина. Обратимся к новейшим авторитетам. Леонард Вильямс в недавно вышедшей книге «Танцующие шимпанзе» исследует ритмические способности обезьян.

Вильямс — в прошлом профессиональный музыкант — ныне занимается изучением поведения обезьян, живущих у него колонией почти в естественных условиях. Он считает: музыкальные способности обезьян — блеф. Говорить об этом — значит не понимать истинную природу музыки. Чувствовать музыку, полагает Вильямс, могут только люди.

Доводы? Вот один из них.

Вильямс обратился к цирковым дрессировщикам. Те ответили: да, у обезьян нет истинного чувства ритма.

Дрессировщик Руди Ленц рассказывает: у него есть труппа шимпанзе, играющая сценку «Джаз-оркестр». Работают животные презабавно и с большим усердием. По всему видно, обезьяны испытывают большое удовольствие. Они возбуждены, притопывают ногами, старательно стучат в барабаны, бьют в цимбалы. Но, настаивает Ленц, ни один из тридцати его питомцев, которых он муштровал для музыкальных номеров, ни разу не выказал хотя бы слабеньких ритмических способностей, даже таких простых, как размеренный стук в барабан.

Опыты Вильямса привели к тому же результату. Обезьяны не проявляли какого-либо интереса к длительному и четкому ритму. Их нельзя было побудить к имитации ритмических движений. Жесты животных были чисто механическими, обезьяны старались лишь двигаться и издавать шум, не чувствуя ритма как такового.

Ритмическая неспособность обезьян резче всего проявилась, когда их пытались обучить медленному ритму. Тут-то музыкальность, оказывается, особенно важна. Это хорошо знают преподаватели музыки, обучающие детей с посредственным слухом. Предоставленные самим себе начинающие музыканты сразу же убыстряют темп.

Кстати, Вильямс отрицает и музыкальные способности слонов. Но, может быть, он слишком строг, невольно сравнивая животных с человеком, требует от зверей слишком многого?

Все-таки звери не безразличны к музыке. Это факт, притом научный. В ряде экспериментов установлено: музыка не только привлекает некоторых животных, она влияет на их поведение. Существует даже специальная область знаний — орнитомузыкология, которая занимается изучением «птичьей музыки».

Можно привести яркие примеры, как канареек обучают петь соловьем, заставляя прослушивать грампластинки, как устраивают конкурсы пернатых солистов...

Но мы расскажем о другом.

Совсем недавно ученые Техасского университета провели необычный эксперимент. В течение двух месяцев, по двенадцать часов ежедневно, они подвергали новорожденных крыс музыкально-шумовой обработке.

Каждая группа — а их было три — слушала свою музыку. Программа первой состояла из произведений Моцарта, второй — из новой атональной музыки. Крысят третьей группы заставляли слушать жужжание вентиляторов. Затем животные отдыхали две недели. После чего их поместили в клетку, оборудованную электрическими кнопками — клавишами. Прогуливаясь по ним, крысы могли сами выбирать более приятные для себя звуки. И тут наступил решающий момент: что предпочтут крысы: вентилятор или Моцарта?

Те, кто слушал Моцарта, остались ему верны, остальные распались на две партии: одна примкнула к классике, другая — к атональной музыке. Как видите, жужжание вентилятора крысята не одобрили!

Цель этого эксперимента — выяснить, насколько сложной информацией можно снабжать неподготовленный мозг. «Если крысенок в состоянии выбирать между Моцартом и Шенбергом, то на что же способен мозг новорожденного ребенка!» — заключают экспериментаторы.

А задумывались ли вы, почему мы поем? Оттого что музыкальны? Чепуха! Поют и безголосые, и люди, начисто лишенные слуха. И здесь нужен не абсолютный слух, а эмоциональная одаренность, богатство чувств, душевная молодость...

То же и у животных. Многие из них издают звуки без всякой цели, и это доставляет им несомненное удовольствие.

Карл Гроос в книге «Игры животных» вспоминает: один из его друзей держал пуделя по кличке Ролла. Когда хозяин пел, собака начинала подвывать ему; причем вой ее то поднимался, то опускался, приспосабливаясь к мелодии.

А вот что пишут дрессировщики. Животных надо дрессировать непременно в сопровождении музыки. Ритмичная музыка благотворно действует на зверей, веселит и бодрит их. Причем для разных животных и музыка должна быть разной.

Медведи, лошади, слоны и собаки — самые требовательные меломаны. Они не будут плясать под какую-нибудь тихую музыку, а требуют хорошо звучащего и слаженного оркестра.

А обезьяны и попугаи довольствуются любой музыкой, лишь бы шум был. Не потому ли Вильямс, который занимался главным образом обезьянами, потерпел неудачу? Он выбрал заведомо равнодушных к музыке животных.

Но, оказывается, обезьяна обезьяне рознь. Давайте послушаем поющего... орангутанга.

Поют исключительно самцы. Длительные наблюдения показали: лишь в некоторых случаях это является своеобразной формой «ухаживания». Как правило, животные поют для собственного удовольствия.

Собирающийся петь орангутанг вначале как бы задумывается, затем пробует голос, наконец, начинает петь полным голосом. Вид у него при этом бывает явно взволнованный и очень довольный.

Пение животного напоминает в некоторой степени звуки, издаваемые двигателем автомашины во время переключения скоростей.

Орангутанги, живущие на островах Калимантан и Суматра, очень хорошо переносят неволю, но в клетках не поют так часто и с таким удовольствием, как на свободе.

Ю. ЧИРКОВ

СКВОРЕЦ-ПОПРОШАЙКА

Конец мая выдался на редкость холодным, особенно по утрам.

Я надел фуфайку, взял корзину с лопатой и вышел за калитку, чтобы перенести в огород привезенный накануне навоз. Не успел я бросить в корзину и трех лопат навоза, как увидел подлетевшего ко мне скворца, который жил в скворечнике тут же на огороде.

Скворец был какой-то помятый. Несколько перышек на боку были выдраны, видимо, в драке, а может быть, разбойницей кошкой. Вдобавок еще он прихрамывал на одну лапку.

Но, несмотря на невзрачный вид, скворец не производил жалкого впечатления. Он энергично прыгал рядом со мной, надеясь найти в развороченном навозе червей для скворчат. Но навоз был сухим, и червей в нем не оказалось. Птенцы кричали, просили есть. Все бабочки, жучки, букашки попрятались от холода, не летали. Скворцу было трудно прокормить свое потомство.

Убедившись, что в сухом навозе ему не найти пищи, скворец уселся в полутора метрах от меня, и из его горлышка вырвался требовательный, резкий, скрипучий звук. И этот крик и весь его вид были красноречивее слов. Скворец просил помочь добыть ему еды для птенцов.

Я положил лопату на плечо и, поманив его за собой, пошел в огород к яме с компостом, в которой обычно рыл червей для рыбалки. Скворец подлетел ко мне и стал ждать. Я нарыл и бросил ему пять червей. Он взял одного из них, тряхнул головой, чтобы сбить налипшую на него землю, и полетел к скворечнику, а я возвратился к прерванной работе.

Но не прошло и пяти минут, как опять раздался его скрипучий крик. Не обращая внимания, я продолжал работать. Тогда скворец, как воробей, боком подскочил ко мне и еще настойчивее стал кричать. Я понял: он опять приглашает меня за червями, и только я сделал шаг в сторону огорода, как скворец был уже у навозной ямы.

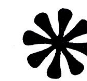
Нарыв с десяток червей, я снова принялся за свою работу.

Скворец еще раза два «просил» меня ходить за червями. А накормив птенцов и насытившись сам, сел на скворечник и стал приводить в порядок свой костюм.

П. МОЧАЛОВ

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ИЮНЬ

Солнце золотит верхушки деревьев, сверкают всеми цветами радуги серебряные росинки на траве. Июньское утро. Еще рано, а птицы уже начали трудовой день, звенит в лесах их многоголосый хор, до самого заката переливаться веселым птичьим голосам. Бабочки, подсушив влажные от росы крылья, порхают с цветка на цветок.

Многоцветен июнь, сразу не определишь, какой цвет главный. Может, красный или зеленый, белый или желтый? Но рассекут летнее небо голубые молнии, и проливные дожди, кажется, вот-вот смоют июньскую красу. Вокруг ненадолго все станет серым и синим, пока не соберут солнечные лучи воду. Снова засверкает июнь, станет еще ярче.

Ранним утром над речным заливом раздаются громкие голоса птиц. «Киааа, киааа!» — несется слева. «Киааа, киааа!» — звучит откуда-то сверху, а справа слышится резкое: «Кирррриияя, кирррриияя!» И вот уже промелькнуло в тумане острое крыло... Чайки! Они проснулись и заявились в залив половить рыбешку.

Да, среди птиц, которые только что подали голос, есть и чайки. Но познакомимся поближе с другим неутомимым рыболовом — с крачкой. Это ведь она только что прокричала «кирррриияя, кирррриияя!», а потом, приподняв высоко крылья, шлепнулась на воду, схватила небольшую рыбешку и легко, будто порхая, полетела дальше.

У нее длинные, узкие крылья, острый и длинный, как шило, клюв, черная шапочка на голове и, конечно, хвост вилочкой. Ни у одной чайки нет такого хвоста, к то-

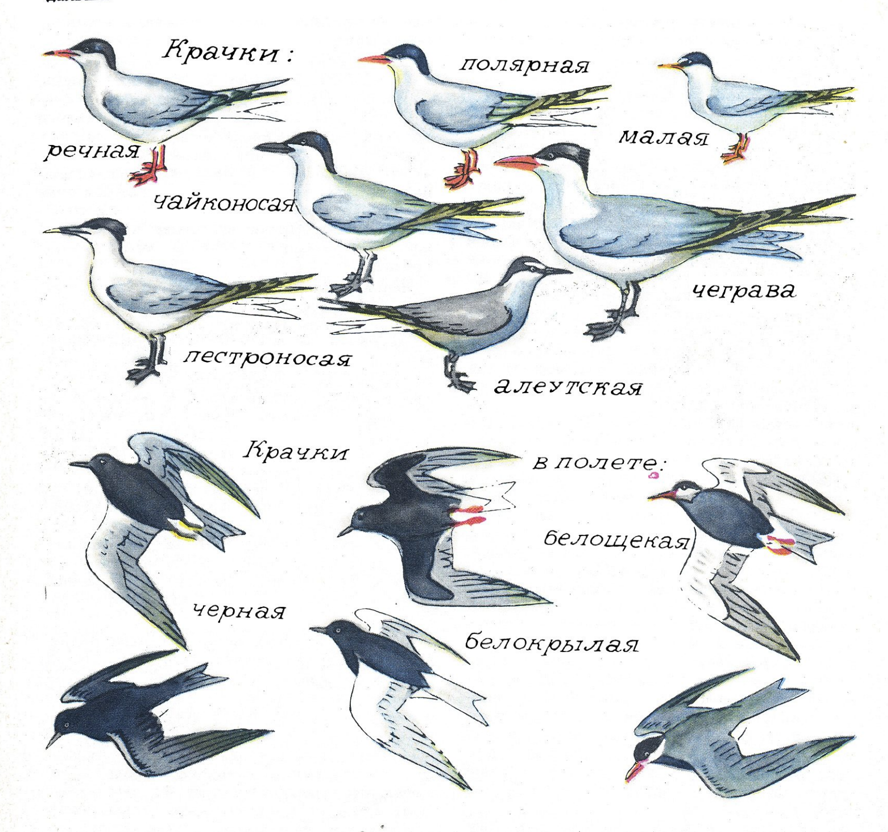

Рис И. Кошкарева

му же крачки всегда меньше своих более солидных родственников — чаек.

Вот птица уселась на камень, проглотила рыбешку — и вдруг быстро полетела вдоль тростника. Хорошо виден ее красный клюв с черной точкой на конце и серые крылья. Снова несется над заливом пронзительное «кирррриияяя», кирррриияяя!».

Эту птицу можно встретить и в Западной Украине, и на далекой Камчатке, услышать ее «кирррриияяя!» или другой, тихий звук «ки-ки-ки», который она произносит во время спокойного полета, у самого Полярного круга и на берегу Черного моря, в Средней Азии и даже на Чукотке. Повсюду, где есть вода, будет подбирать она рыбешку, оброненную из сетей, высматривать рыбью икру или ловко ловить над тростником стрекоз.

На речную крачку похожа полярная. Но они редкие соседи. Полярные крачки живут на дальнем Севере, населяют побережья морей, морские острова, тундру и лесотундру, а когда выведут птенцов, то вообще расстаются с берегом и улетают в открытое море. И только на Чукотке, вдоль побережья Охотского моря, живут рядом речные и полярные крачки. Как же отличить этих птиц? По голосу. «Кирррякирррии-криирррри!» — так же пронзительно, как речная крачка, кричит полярная, но крик ее кажется очень трескучим, да и разносится над водой много дальше.

Вернемся к нашему заливу и понаблюдаем еще за одной птицей — за малой крачкой. Клюв и лапы ее окрашены в желтый цвет, да и размерами она меньше своих родственников. Обитает малая крачка в Прибалтике, в Ленинградской области, встречается даже на Алтае. Но дальше на восток не залетает. Не встретишь эту птицу и на дальнем Севере, выше Ленинградской и Кировской областей, но зато не редка она на Кавказе. Как кричит малая крачка? На этот вопрос мы ждем ответа от вас, юные натуралисты.

На юге нашей страны обитает очень редкая птица — пестроносая крачка. Она похожа на других крачек, но клюв у нее черный, с желтым кончиком; отсюда появилось и само название крачки — пестроносая. Жизнь этой птицы изучена недостаточно, а потому ребятам, живущим в Крыму, на побережье Черного и Каспийского морей, «Лесная газета» дает особое задание: соберите все сведения о жизни пестроносой крачки и пришлите нам рисунки ее следов, точное описание крика и самые простые сообщения: кто, где и в какое время года видел крачку с пестрым носом?

В Молдавии, в Крыму, на Северном Кавказе и в Средней Азии встречается чайконосая крачка. У нее острые и легкие крылья, хвост вилочкой, а вот клюв очень похож на клюв чайки. По этому клюву легко отличить чайконосую крачку от других крачек. А от чаек — по острым крыльям и форме хвоста.

Хвост вилочкой поможет отличить от чаек и еще одну крачку — чеграву. Это самая крупная из всех наших крачек. Обитает чеграва в Крыму и Средней Азии, голос у нее громкий и каркающий — услышишь раз, никогда не забудешь.

Если почти всех крачек отличает особая форма хвоста, то такую вилочку на хвосте у черной, белокрылой и белощекой крачек сразу и не разглядишь. Хвост у этих трех крачек вырезан относительно слабо, но зато крылья их еще более легкие и быстрые, полет еще более резкий, порхающий.

Вот совсем рядом раздалось негромкое «кек-кек-кек», и прямо перед вами, изящно поднимая крылья, пролетела черная птица. Вот она легко вспорхнула вверх и, трепеща крыльями, повисла в воздухе, показав брюшко и белый низ крыла. Вдруг птица что-то высмотрела в воде, легко спланировала вниз и, не садясь на воду, легко подхватила с поверхности стрекозу. И снова легкий, изящный полет, снова тихое мирное «кек-кек-кек». Это и есть черная крачка.

Черная крачка улетела, и скоро над водой появилась еще одна интересная птица. Она очень походит на черную крачку и размером, и полетом, и умением повиснуть в воздухе. Только окрашена немного по-другому. Верх более светлый, светлые крылья, светлый хвост, а темные только спина и голова. Снизу же, наоборот, птица почти темная, кроме белой полоски на хвосте. Имя этой крачке дано по цвету ее крыльев — белокрылая крачка.

Белокрылая и черная крачки обитают почти в одних и тех же местах. Правда, черная залетает немного севернее и спускается чуть южнее, чем ее ближайшая родственница, — встретите вы черную крачку и в Вологодской области, и в Средней Азии, куда дорога белокрылой как будто закрыта.

Есть у этих двух птиц еще одна подруга — белощекая крачка. Обитает она на Северном Кавказе и в Средней Азии. Повадками очень похожа на своих подруг, но отличается от них более светлой окраской, красным клювом и белыми щеками.

Подошло к концу наше первое знакомство с крачками. Десять видов крачек населяет нашу страну. О многих мы рассказали. А теперь с нетерпением ждем от вас, юные натуралисты, подробных отчетов о встречах с этими птицами.

Сегодня наши недавние лабораторные занятия помогут отыскивать следы ондатры на берегу реки или озера.

Часто ондатру называют просто крысой, а потому путают с нашей водяной крысой. Только между ними большая разница.

Впервые ондатру привезли к нам в 1927 году. А сейчас предприимчивый зверек так широко расселился почти по всей стране, что многие уже и не верят, будто раньше ондатра никогда не обитала в Европе и Азии.

Подождите, что это? Вот уж метров сто шли мы вдоль самой кромки воды и встречали только следы куликов. А тут вот новые, совсем не похожие на птичьи. Правда, у их хозяина такие же пальцы, как у речного зуйка, но зато их не три, а четыре. А рядом еще один след, в котором отпечаталось целых пять пальцев. Неизвестный выбрался, видимо, из воды и не спеша пошел в сторону берега.

Запомните хорошо этот след — здесь выбралась из воды на берег и пошла в заросли осоки водяная крыса, или, как ее еще называют, водяная полевка.

А приходилось ли вам когда-нибудь видеть зверька в два раза больше, чем водяная крыса? Приходилось ли наблюдать, как этот зверек спокойно плывет вдоль берега, держа во рту небольшую охапку только что срезанных стеблей тростника?

Волна и вынесла на берег такой срезанный стебель — выходит, в этом заливе обитает прожорливый грызун. Однако следов ондатры пока нигде нет. Вот так загадка!

Все дело в том, что ондатра очень редко выходит на берег. Живет она в глубокой норе, вход в которую начинается обычно под водой. В норе спит, выводит потомство, отсюда отправляется на свои водные пастбища — так и получается, что слишком часто вылезать на берег этому зверьку вроде бы и не надо.

Другое дело — водяная крыса. Этот пронырливый грызун не довольствуется только водными растениями, частенько посещает соседние огороды, где растут овощи, наведывается в прибрежные заросли ивы и осины, чтобы подгрызть корни у молодых деревцев, а осенью вообще перебирается из водоемов поближе к жилью человека, в низкие ложбины, где всю зиму орудует под снегом.

В отличие от водяной крысы ондатра живет в воде круглый год. Зимой разыскивает пищу, путешествуя подо льдом, а летом среди зарослей камыша или тростника устраивает себе настоящие кормовые столики, где другой раз целый день грызет и грызет сочные стебли рогоза, молодые побеги тростника или какие-нибудь корневища. Питается ондатра нередко моллюсками, лягушками и рыбами. По этим остаткам животной пищи на кормовом столике и отличают главным образом столовую ондатры от подобной столовой водяной крысы. Правда, не каждый начинающий следопыт сразу догадается, кто именно устроил в зарослях травы свой кормовой столик: ондатра или водяная крыса. А потому давайте все-таки поищем следы ондатры на берегу залива.

Во время лабораторных занятий мы запоминали с вами, как изменяются следы, как «стареют» под ветром и дождем, как просто «стареют» от времени. Тогда мы не учитывали волны. Да, да, обычные речные или озерные волны.

Представьте себе: по реке или по озеру каждый день ходит пароход, носятся моторные лодки. От лодок, от парохода на берег выкатывается волна и смывает почти все следы, оставленные на берегу.

Поэтому надо приходить на берег залива раньше, чем появятся моторные лодки или пройдет пароход. И конечно, надо выбрать ясный день, без дождя и ветра. Тогда будет обязательно первая встреча со следом. Постойте, он очень похож на след водяной крысы. Но приглядитесь внимательней: те же четыре пальца на передней ноге и пять на задней, но сам след много крупней — это первое отличие. А второе заключается в том, что у ондатры остается след пятки.

Теперь проверим себя. Ондатры большие лакомки. И если там, где встретился след зверька, положить на берегу морковь или свеклу, очень скоро ондатры отыщут угощение. Вот тут-то и можно понаблюдать из укрытия за новыми знакомыми, а потом еще раз внимательно присмотреться к их следам. Лучше всего приглашать ондатр на званый обед вечером или ранним утром, когда зверек ведет себя несколько смелей.

Сначала след ондатры можно спутать с отпечатками лап енота. Чтобы этого не случилось, надо знать один секрет — у енота и на передней и на задней лапах пять пальцев.

Однажды полярники увидели белого медведя. Он был так тощ, что с трудом удерживался на ногах. Шкура на нем висела, как на вешалке. Медведь подошел к дверям.

Голодный белый медведь представляет большую опасность для людей. Но полярникам стало жалко великана, и они решили поймать медведя, откормить, а потом выпустить. Сначала спустили собак, которые окружили медведя и не давали ему уйти, а потом накинули на животное аркан. Долгое время прожил белый медведь среди людей. Полярники заботливо ухаживали за пленником, приносили ему каждый день рыбу. И скоро из тощего зверя медведь превратился в откормленного, лоснящегося красавца. Пришло время его отпускать. Медведю надели на шею медную дощечку, на которой написали название станции и время, когда его поймали. Потом отвязали веревку и отошли. Сначала медведь побежал, потом остановился и долго смотрел в сторону станции; казалось, что он раздумывал: кто они, эти люди, друзья или враги? Через некоторое время полярников стала вызывать по радио другая станция, расположенная очень далеко от острова. В радиограмме сообщалось о крупном белом медведе с медной дощечкой на шее. Это был тот самый пленник.

А ловил и выхаживал этого белого медведя вместе с другими полярниками мой папа.

о. Диксон

Оля ИЛЬЧЕНКО

У «Лесной газеты» много юнкоров в различных уголках нашей необъятной страны. Нам пишут юные следопыты и фенологи, юные ботаники и лесоводы. Сотни ребят активно сотрудничают в газете. Лучшие из них в конце года получат премии. Ждем ваших новых писем, юные друзья!

Как и в прошлый раз, я напомню две удивительные истории про уток и куликов, про дроздов и синицу. Помните, утка-мать очень ревностно охраняла свои владения от другого утиного семейства, но преспокойно мирилась с тем, что семья куликов разгуливала рядом? А дрозды? Как они возмущались, когда точно такие же птицы подбирались поближе к их гнездам! И эти же самые дрозды-вояки не обращали внимания на большую синицу, что взад и вперед разгуливала около чужих гнезд. «Могло ли такое быть?» — спрашивала я всех читателей «Лесной газеты». Многие ребята ответили мне правильно: «Конечно, могло. Ведь животные охраняют в период гнездовья свои владения в основном от животных того же самого вида. Утка-мать будет прогонять другую взрослую утку с ее выводком из своего дома, чтобы ее собственные дети не остались голодными, чтобы незваные гости не «ограбили» хозяев. Ведь утки одного и того же вида питаются одинаковой пищей. А зачем утке-матери прогонять куликов? Ведь у них свои вкусы, свой любимый корм. По этой же причине и дрозды не обращали внимания на синицу, которая при всем желании не отняла бы у дроздов их завтраки, обеды и ужины. А другие дрозды — иное дело. Здесь только смотри и смотри, чтобы они не заскочили не в свои владения — тогда хозяевам «дома» придется летать очень далеко за пищей для детей. Вот поэтому у большинства животных в период выкармливания малышей и существуют строго охраняемые и уважаемые соседями личные территории».

Теперь послушаем новые вопросы, которые приготовили ребята.

«Однажды у нас произошла такая удивительная история. Небольшой воробьишка нашел кусочек хлеба, но к нему подлетела тут же стая воробьев, и завязалась драка. Вдруг откуда-то появился большой воробей. Драчуны тут же разлетелись по кустам, а сильный воробей схватил кусочек хлеба, полетел с ним под куст и зарыл его там. И зачем понадобилось ему отнимать у других птиц кусок хлеба, когда и есть-то он совсем не хотел?»

Этот вопрос задает Марина Кузнецова из Ленинграда.

«Я очень люблю собирать цветы, — пишет в «Лесную газету» наш юный корреспондент Вова Иванов из города Егорьевска Московской области. — И особенно колокольчики. Я знаю их срок цветения и места, где они растут. Но иногда мне попадались совершенно белые колокольчики. Откуда берутся такие белые цветы?»

Вот наш второй и последний вопрос, дорогие ребята: кто из вас встречал белый колокольчик, где находил его, в какое время? И бывают ли вообще такие интересные цветы?

Крылатая радуга

Фото 1

Фото В. Гуменюка

Фото 2

Еще не везде растаял снег, а бабочки уже греются на весеннем солнышке. Вместе со скворцами и ласточками приносят они на своих переливчатых крыльях весну.

Первой встреченной бабочкой может оказаться павлиний глаз, похожий на

Фото 3

Фото 4

драгоценную безделушку. Кажется, что на банте из пурпурного бархата сияют четыре драгоценных камня. За эти радужные пятна бабочка и получила свое имя. Но правильнее называть ее не павлиньим, а… коровьим глазом. Научное название бабочки — Нимфалис Ио — связано с древней легендой. (Фото на 1-й странице обложки.)

Могучий бог-громовержец Зевс полюбил прекрасную Ио. Узнав об этом, его жена, коварная и жестокая царица богов Гера, превратила красавицу в корову, а стражем к ней приставила стоглазого великана Аргуса. На помощь Ио Зевс послал хитроумного и веселого бога Гермеса. Волшебной палочкой Гермес усыпил Аргуса и отрубил ему голову. Но мстительная Гера натравила на Ио огромного слепня. Без отдыха мчалась Ио дни и ночи, переплывала моря, но нигде не могла спастись от укусов чудовищного насекомого. Освободиться от заклятья, обрести человеческий облик она могла только в далеком Египте.

Это древнегреческое сказание вспомнилось двести лет назад мудрому шведу Карлу Линнею, когда он думал, какое бы дать ей название. Голубые переливающиеся круги на крыльях насекомого напомнили ученому испуганные глаза Ио. Так произошло второе чудесное превращение красавицы. Она стала прекрасной бабочкой — Нимфалис Ио.

Наша красавица вышла из куколки осенью. Всю зиму проспала она под снежным одеялом, а весной, почувствовав тепло, выбралась из-под листьев, расправила крылышки и полетела на поиски первых цветов.

Еще раньше Ио появляется лимонница, которая тоже зимует под сухими листьями или во мху. Наряд лимонницы скромнее. Ее одноцветное платье украшено лишь розоватой точкой посередине крыла. Но это только на наш взгляд. Насекомые же на крыльях лимонницы видят яркий рисунок. Ка-

Фото 5

кого цвета? Ультрафиолетового! (фото 1).

Глаза насекомых видят мир не таким, каким он предстает перед нами. Некоторые цвета — например, красный — у многих насекомых сливаются с другими. Зато для них самый обычный цвет — ультрафиолетовый, который мы не различаем. Многие цветы для нас одноцветно

желтые, для бабочек расцвечены ультрафиолетовым рисунком, и насекомые прекрасно видят его. «Скрытый» рисунок бабочки мы можем рассмотреть только на сделанных особым способом фотографиях. На них рисунок выглядит чередованием темных и светлых пятен.

Пробежала весна, луга запестрели летними цветами и... летними бабочками. Они гораздо разнообразнее весенних. У летних бабочек зимуют гусеницы в трещинах коры или в ворохе прошлогодних листьев. Весной гусеница окукливается и только к лету превращается в бабочку.

В наших краях летом можно увидеть разных перламутровок (фото 6 и фото на 4-й странице обложки). Окраска верхней стороны крыльев этих бабочек однообразная: рыжая с черными пестринками. А вот нижняя сторона — настоящее чудо! То ее

Фото 6

украшают радужные полосы, как на драгоценной раковине из южного моря, то жемчужные или серебряные пятна.

У каждого вида этих бабочек свои повадки. Некоторые перламутровки порхают над лугами, толпятся на цветах зонтичных растений. Другие, более крупные, снуют по лесу. Когда перламутровка мчится сквозь лесную чащу, диву даешься, как она на такой сумасшедшей скорости не врежется в первый же ствол дерева. Но эта бабочка — мастер высшего пилотажа: всегда успевает, не замедляя полета, круто свернуть в сторону. Поймать ее нелегко.

А вот другая летняя бабочка — толстоголовка. Серенькие или рыжие, мелкие толстоголовки проигрывают в сравнении с роскошными перламутровками или павлиньим глазом. Зато у них самый непоседливый нрав. Бабочка то вспархивает, то на миг садится на былинку, взлетает, с размаху падает на цветок, распугивая чинно обедающих там насекомых, снова взлетает — и так до бесконечности. Кстати, голова у толстоголовки самая обычная. Она только кажется толстой из-за мохнатой шапки торчащих волосков (фото 2).

Летом можно встретить и бабочку малинницу (фото 7). Лимонница лимонно-желтая, у перламутровок на крыльях перламутровые пятна. Значит, и малинница должна быть малинового цвета? Вовсе нет. Она сверху черная, а снизу покрыта зеленой пыльцой. Названием своим малинница обязана не расцветке, а тому, что ее гусеницы едят листья малины.

О вкусах не спорят. Для гусеницы бабочки чертополоховки (фото 5) любимая

пища — колючие горькие листья чертополоха. Эта бабочка — путешественница. В некоторые годы размножившиеся в огромном количестве чертополоховки собираются в большие стаи, улетают за сотни и даже тысячи километров в поисках корма для потомства.

А это что за странная бабочка — черная, с круглыми белыми пятнами? Все дневные бабочки, когда садятся на цветок, поднимают крылья, а она широко распластывает их в стороны. Это огневка (фото 3). Много зла причиняют огневки людям. Гусеницы мучной, амбарной и мельничной огневок пожирают муку, крупу и отруби. Еще два вида огневок — луговой и кукурузный мотыльки — опасные вредители полей. Природа наградила их невзрачной внешностью.

А изображенная на нашей фотографии огневка — одна из самых красивых. Она совершенно безвредна: ее гусеницы грызут только листья золотарника.

А вот совка (фото 4). Совки большей частью ночные бабочки. Серые, мохнатые, они бьются по ночам в освещенные окна, кружатся вокруг лампы. Таинственно сверкают в темноте розовым светом их немигающие глаза. Совки — самая большая группа бабочек. В мире их тридцать тысяч видов, столько, что даже специалист, всю жизнь изучающий этих бабочек, не в состоянии в них разобраться.

Но почему на фотографии мы видим совку, устроившуюся на стебельке в ясный солнечный день? Ведь ночные бабочки днем всегда прячутся. Эта совка — исключение. В отличие от множества своих родственниц она ведет дневной образ жизни. Почти всегда дневные бабочки ярче ночных. Этому закону подчиняется и наша совка: ее окраска гораздо пестрее, чем у совок, летающих по ночам.

Перед вами прошло несколько самых обычных бабочек — мохнатых, совсем маленьких живых существ с настоящим бьющимся сердцем, крошечным, но работающим мозгом, зоркими глазами, цепкими лапками и легкими, но сильными крылышками. У каждой из них своя жизнь — суетливая, полная опасностей, пусть короткая, но очень интересная.

В. КОВАЛЕВ

Фото 7

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Впервые о водопаде Буэнза я узнал, листая один из томов французской энциклопедии. В статье о Конго была помещена фотография водопада: река внезапно обрывается уступом и устремляется куда-то вниз. Мог ли я тогда, сидя в уютном зале Исторической библиотеки, мечтать, что через некоторое время окажусь на том месте, где падает эта река!

Случилось так, что мне посчастливилось поехать в Конго. Там-то я и услышал о водопаде во второй раз. Услышал от мальчика из племени бембе. Звали его Жорж Дамбу. Среди ребят, окружавших почти каждый день наши буровые станки, Жорж выделялся ростом и каким-то особым, безудержным весельем. Чувствовалось, что он душа и заводила всей мальчишеской компании. Скоро мы познакомились.

Гуляя как-то по берегу речушки, мы спугнули длинную черную змею. «Осторожно, это кобра!» — закричал Жорж и, схватив палку, бросился за ней. Но змея уползла. Успокоившись, Жорж сказал мне: «А знаешь, недалеко отсюда есть одно место, где вода падает с очень большой высоты. Там живет огромная цветная змея. Она все время пытается выскочить из реки и забраться на верхний уступ». Я высказал сомнение, хотя и читал, что Африку называют «континентом чудес» и что там есть еще не раскрытые тайны и загадки. Но Жорж горячился: «Я слышал об этом от отца, это вовсе не сказка. О змее ему говорили жители тех мест». — «Как называется эта река?» — спросил я. «Да это Буэнза, к ней ехать-то нужно всего несколько часов». Жорж уже не мог успокоиться и возбужденно уговаривал меня отправиться туда и самому убедиться в правдивости рассказа его отца.

И тут я вспомнил о фотографии. Так это и есть тот самый водопад Буэнза, который я видел в энциклопедии! Было решено ехать туда и обязательно, если, конечно, повезет, увидеть местного «змия», который, как убеждал меня Жорж, отличается довольно мирным нравом и даже не обращает внимания на любопытных, пришедших на него посмотреть.

На реке Буэнзе, впадающей в Ниари, оказывается, есть целый каскад водопадов. Самый большой из них — Буэнза — находится в двух километрах от деревушки Макукулу. Здесь красноватые воды реки падают с высоты 63 метров с отвесного уступа.

Самое шумное место по пути к Макукулу — переправа на реке Ниари. Полуголые ребятишки, окружив наши «газики», предлагают купить душистые плоды манго, связки маиса, свежую рыбу. Но как только

приближается паром, ребята мгновенно забывают про все и бросаются в воду. С криками они плывут к нему наперегонки. Меня невольно охватывает страх за

купающихся ребят. Я только недавно из Москвы и в любом плывущем по реке предмете готов увидеть крокодила или гиппопотама. Но чаще им оказывается ствол дерева. Водовороты выталкивают его на поверхность реки, и он тускло поблескивает на солнце своими замшелыми боками. Паромщики объяснили нам, что крокодилы в Ниари еще есть, но они держатся тихих заводей и очень редко выходят на открытые места.

За переправой дорога идет вдоль подножья невысоких гор, мимо таинственных пещер пигмеев.

«Газики», поднимая тучи пыли, петляют среди высокой слоновой травы, масличных пальм и цветущих акаций. Шатрообразные, красные от алых цветов кроны акаций яркими пятнами выделяются на фоне зелени пальм. По обочине дороги растут ананасы и агавы. У копьевидных двухметровых листьев агавы твердый наконечник, колющий, как игла. Местные жители часто высаживают это растение вокруг деревень и плантаций, чтобы защитить посевы от набегов обезьян. Да и для человека, не вооруженного мачете, преграда из агавы практически непреодолима.

Зазубренные листья ананасов пучками торчат из травы. Ананас — житель Южной Америки. Впервые он был привезен в Европу в XVI веке. Неизвестно, когда и какими путями попал ананас в Африку, но сейчас его там встретишь почти всюду. Наше представление об этом нежном плоде как-то не вяжется с его неприхотливостью и вездесущностью. В иных местах ананасов так много, что их можно собирать, как грибы в наших лесах.

С дороги во влажную глубину леса ныряют тропинки, утоптанные босыми ногами женщин. Тропинки ведут к небольшим плантациям маниоки, рощицам диких бананов, лесным ключам. Машины обгоняют женщин, детей, несущих корзины и корзиночки. Все вооружены мачете — длинными широкими ножами на деревянной ручке: в лесу возможны всякие встречи.

Наконец наши «газики» останавливаются в Макукулу. Здесь изредка появляются туристы, и местные жители всегда им рады. Так и сейчас, наверное, все мужское население деревни вызвалось проводить нас к водопаду.

Тропа ведет сначала через зеленую лужайку, а потом по склону ущелья, густо заросшему лесом. Лес начинается сразу, стоит только отодвинуть ветки кустарников. За каждым поворотом чудится встреча с кем-то незнакомым и таинственным. Со временем, говорят, это постоянное напряжение, которое не отпускает вас в лесу, притупляется, но невозможно от него избавиться совсем: видимо, чтобы привыкнуть к тропическому лесу, нужно родиться в нем. Даже жители саванн боятся и очень плохо знают его.

Уже на середине пути мы слышим глухое ворчание, напоминающее далекие раскаты грома. Кажется, в глубине ущелья ворочается кто-то огромный, невидимый, недовольный тем, что его собираются потревожить. Шум то усиливается, то пропадает. А когда в лесу наступает тишина, слышатся негромкие крики птиц, резкие, пронзительные трели цикад и древесных лягушек. Проводник — ровесник Жоржа — объяснил, что это шум падающей воды Буэнзы. Сам водопад находится в дальнем углу ущелья. Густая растительность и влажный теплый воздух приглушают звуки даже на небольшом расстоянии. И действительно, ощущение такое, что в ушах лежит вата.

Тропа ведет нас через рощицы диких бананов и мощных колоннообразных стволов лимбы. Шум постепенно нарастает. Уже отчетливо видна живая стена красноватой воды. Последний поворот, и, срываясь по откосу, тропа останавливается у реки. И тотчас, выйдя из-под покрова леса, вы как бы тонете в грохоте падающей воды.

Водопад предстает перед зрителем сразу — почти 4 тысячи квадратных метров отвесно падающей воды в обрамлении зелени разных оттенков, темных замшелых скал и голубого неба, по которому бегут белые облака. Наверху, там, где река внезапно срывается с уступа, вода, подсвеченная солнцем, почти красная. Ниже, в тени деревьев и скал, цвет ее становится темным. Где-то посередине могучее тело водопада скрывается за сплошным облаком водяной пыли. И только стремительно несущиеся из-под облака пыли кипящие струи воды говорят о той гигантской работе, которая происходит там, в вертепе, где рождается грохот, заполняющий все ущелье. По трясине, заросшей травой, скользя по валунам, можно подойти к одинокому дереву, чудом выросшему в этом грохочущем сыром котле. Когда ветер меняет направление, облако водяной пыли отрывается от тела водопада и несется к дереву, мгновенно закрывая его густой пеленой. Новый порыв ветра — и из водяной пыли резко проступают длинные, мохнатые от мхов ветви дерева. Отсюда лучше всего наблюдать игру света и красок водопада.

Но где же наш змей? Жорж расспрашивает местного жителя, а потом переводит мне, что его давно уже никто не видел. Более того, кажется, змея вообще не было. «Может быть, Жорж спрашивает о семицветной дуге, которая постоянно висит над водопадом? — интересуется проводник. — Вот она, радуга, смотрите!»

Солнце зажигает радугу в водяной пыли, которая клубится у водопада. В зависимости от силы и направления ветра краски ее тускнеют или разгораются. Когда солнце скрывается за облаками, радуга исчезает. С первым лучом солнца она появляется вновь и, как настоящее живое существо, целый день мечется над водопадом.

Так вот кого принимали за змея! И не здесь ли родился миф, который рассказал Жоржу его отец?

Поначалу мой юный друг, кажется, даже обескуражен — ведь он так хотел удивить нас этим чудовищем. Но скоро он опять повеселел. И было от чего. Перед нами грохотал огромный водопад. Трудно было оторваться от зрелища игры красок и вечного движения воды.

И. ЯЗОН

СКОЛЬКО ЖИВЕТ ТРАВА?

Мало кто знает, что есть травы, которые не уступают в долговечности деревьям. Так, некоторые папоротники наших южных лесов могут прожить более ста лет. А предельный возраст женьшеня — 150—200 лет. Весьма долговечны многие дерновинные злаки степей. Ковыль иногда достигает возраста 300 лет, а обитатель североамериканских степей — «буйволова трава», по данным американских ученых, живет несколько сот, а может быть, даже тысяч лет.

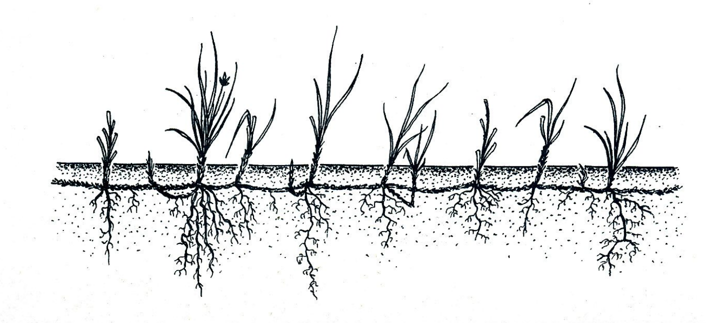
Но как определяется возраст у травянистых растений? У деревьев это делают довольно просто — подсчитывают число годичных колец на спилах: каждый год ствол нарастает в толщину на один годичный слой. Таким способом определять возраст у травянистых растений нельзя. Ведь стебель с листьями у трав на зиму каждый год отмирает.

Точнее всего можно определить возраст у тех трав, которые ежегодно образуют всего один стебель. В этом случае каждую осень при отмирании стебля на подземном побеге — корневище остается след — рубец, подобный тем, которые мы видели не раз на ветке дерева, когда с нее опали пожелтевшие листья. Корневище с такими рубцами напоминает лестницу, по числу ступенек которой можно сказать, сколько лет прожила эта трава.

Но вот перед вами осока — травянистое растение, от корневища которого ежегодно отрастает не один, а несколько стеблей. В этом случае для определения возраста ученые применяют другой способ. Найдя растение с особенно длинным корневищем, они измеряют его общую длину и, определив, на сколько сантиметров нарастает корневище за один год, подсчитывают возраст травы путем простого деления первой величины на вторую.

Наконец, есть травянистые растения, которые, подобно грибам, образуют так называемые «ведьмины кольца». При разрастании дерновины, например, у некоторых злаков средняя ее часть с возрастом отмирает. Год за годом от такого «куста» все дальше и дальше отходят отделившиеся части дерновины. Теперь это отдельные растения, расположенные кольцом. Чем больше возраст, тем больше поперечник такого «ведьминого кольца».

И. ГРУШВИЦКИЙ, Б. ЧАВЧАВАДЗЕ

— Кто вы, незнакомец?
— Разве вы не узнаете меня, барон? Ведь мы с вами часто встречаемся на книжной полке. А однажды на этом собрании я имел честь высказаться об одном из насекомых.
— Паганель?! Но, похоже, вы чем-то взволнованы?
— Вы не ошиблись, барон. Я весьма озабочен. Мне кажется, человечество изобрело против насекомых чудовищное оружие. Я имею в виду разноцветные сачки. А я против уничтожения всех без разбора насекомых.
— Так улыбнитесь же, Паганель! Вам нечего беспокоиться за жизнь насекомых. Вы среди друзей растений и животных. Разве мы не знаем, что ничтожные мошки, простите, насекомые, помогли ученым построить, например, прибор, определяющий скорость самолета, или прибор для определения изменения полета?

— Как всегда рад видеть вас, друзья мои! Признаться, я никогда не страдал от скуки и одиночества. И все же самое приятное для меня общество — общество людей любопытных и любознательных. И мне кажется, я нашел его именно здесь, в Клубе Почемучек.
Это великолепно, что количество мест в нашем Клубе неограниченно. И мы с величайшей радостью принимаем на своих страницах всех, кто хочет участвовать в его работе. Да, да, работе, ибо все мы упорно и терпеливо разыскиваем ответы на самые неожиданные вопросы, раскрываем тайны и доказываем, что самые невероятные истории, с которыми не сравнятся даже мои, — истинная правда!
Итак, внимание! Очередное заседание...
— Остановитесь! Умоляю, остановитесь!..

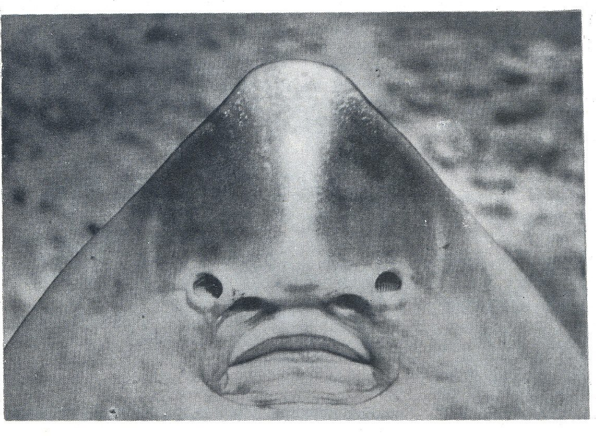
— Позвольте, позвольте, дорогой Мюнхгаузен! Я немедленно внесу в свой определитель эти редчайшие экземпляры из класса насекомых.
— Не трудитесь, Паганель, вы их отлично знаете. А если нет, их назовут вам Почемучки. Не так ли, друзья мои? Не позднее чем через месяц ответьте на вопрос: каких вы знаете насекомых или других животных, которые неожиданно оказались помощниками изобретателей?
— Я буду весьма признателен.
— Простите, Паганель, мы отвлеклись. Пора начинать заседание. Я с превеликим удовольствием предлагаю вам познакомиться с новым рассказом частого гостя нашего Клуба профессора Павла Иустиновича Мариковского.

Вот так колобок!

К вечеру, когда мы уже лежали в спальных мешках, к нашей палатке подошла лошадь. Откуда она появилась в глухом саксауловом лесу? Побродила вокруг бивака и отправилась дальше, пощипывая на ходу весеннюю зелень. А ночью наш спаниель Зорька шевелил длинными ушами, прислушивался и ворчал. Утром же совсем близко от палатки появился большой ком свежевыброшенной земли. Уж не этого ли неизвестного землекопа учуяла ночью собака? Придется взяться за лопату.
Холмик земли, оказывается, вырос на месте навоза, оставленного лошадью. Под ним открылась большая нора. Она привела в просторную залу диаметром около пятнадцати сантиметров. Из нее ход пошел отвесно вниз, и наконец перед нами большая круглая пещера и в ней тщательно окатанный диаметром в 20 сантиметров шар свежего навоза. Никогда в жизни не видел я такого громадного шара! Вот так колобок!
Кто же его скатал?
Шар слегка вздрагивает, кто-то под ним шевелится. Придется вынуть его из пещерки. Но едва я прикоснулся к шару, кто-то громко, по-змеиному зашипел, и наверх выполз большой навозник гамалокопр, насторожил свои чуткие пластинчатые усики, шевельнул головой-лопатой и, уставившись на нас, будто негодующе спросил: «Что вам тут нужно?»
Навозники гамалокопры — обычные обитатели пустыни. У них прекрасное обоняние. Свежий навоз они чуют на громадном расстоянии.
Наш гамалокопр изрядно потрудился. Его шар весил около двух килограммов. И заготовил он его для своего потомства.
Жалко навозного труженика. Придется прикопать его убежище и оставить в покое жука.

— Продолжаем заседание Клуба...
— О, ты забыл, мудрейший Мюнхгаузен...
— А-а-а, это вы, Хоттабыч.
— Я попросил бы тебя направить взгляд очей своих на этот портрет и сказать мне, кого ты тут видишь.
— О, какое, простите, на редкость странное лицо! По всей вероятности, это кто-то из ваших родственников — джиннов?
— Не делай мне больно своим невежеством. Это же...

Рыба-гитара

Этот снимок рыбы-гитары сделан под водой летом 1965 года у северной оконечности острова Сан-Хосе.

С первого взгляда кажется, будто это голова таинственного обитателя далеких планет. Около рта расположены две пары отверстий, которые сильно похожи на глаза и ноздри. В действительности же это органы обоняния. Они помогают рыбе охотиться.

Рыба-гитара принадлежит к долгоносым скатам. Их часто можно встретить на мелководье, в заливах и бухтах, где они добывают себе пищу, которая в основном состоит из ракообразных животных.

Подобно другим скатам, рыбы-гитары питаются донными обитателями. Их рот расположен на животе, а грудные плавники имеют вид крыльев.

Зубы рыбы-гитары представляют собой плоские пластины, которые хорошо приспособлены для размалывания панцирей их жертв, но для человека они совершенно безвредны.

В отличие от некоторых других скатов у рыбы-гитары нет ядовитых шипов на хвосте.

А сейчас вас ждет одно задание. Правда, оно требует терпения, наблюдательности и настойчивости. Но, как я уже понял по выполненным вами предыдущим заданиям, вы всегда добросовестно относитесь к порученному делу. Поэтому я совершенно не сомневаюсь, что и с этим заданием вы справитесь отлично.

Черепаха и стабилизатор

Мы привезли маленькую, с ладонь, черепашку. Она проползла по комнате, поела намоченный в молоке хлеб, наткнулась на зеленый лист, потянула в рот — он отодвинулся. Тогда черепаха вытянула неуклюжую лапку с острыми коготками, придержала лист и откусила кусочек, съела почти весь.

Наелась, забралась в угол и задремала. Вечером мы включили телевизор. Загудел стабилизатор. Черепаха выползла, потопталась вокруг тумбочки, нашла стабилизатор и долго сидела у желтого глазка. Что ее поразило? Необычные звуки? Или она уловила что-то знакомое в заунывной, однообразной песне стабилизатора? Кто знает.

Проходило время. На зиму черепаха забралась в угол и уснула. Весной опять бродила по дому.

Летом мы уехали отдыхать на север, а когда вернулись, не узнали нашу неуклюжую жительницу: раздалась, прибавила на целое кольцо свой панцирь.

Стабилизатор по-прежнему чем-то волнует ее — то ли дрожанием, то ли звуками.

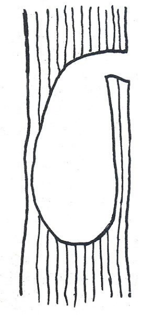
Ну что ж, дорогие друзья, вам предоставляется возможность проверить, действительно ли черепахи проявляют необычную любовь к стабилизатору или это свойственно только некоторым. Понаблюдайте и напишите нам.

А ТЕПЕРЬ ПРОЧТИТЕ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ОЛИМПИАДЫ

1. Ленинскими заповедниками мы обычно называем два: Астраханский и Ильменский минералогический имени В. И. Ленина.

16 января 1919 года в Москву из Астрахани приехал делегат и был принят Владимиром Ильичем в Кремле. Речь шла об открытии первого советского заповедника в дельте Волги. Ленин одобрил эту идею, и уже с весны того же 1919 года заповедник начал работать.

А 4 мая 1920 года Владимир Ильич подписал декрет Совета Народных Комиссаров об образовании в Ильменских горах на Урале Государственного минералогического заповедника. В этом декрете дано ленинское определение заповедника: «Национальное достояние, предназначенное исключительно для выполнения научных и научно-технических задач страны».

2. Когда в лесу встречается круглое ровное отверстие в стволе сухой осины, это почти наверняка дупло, выдолбленное дятлом. Так как диаметр указан — пять сантиметров, хозяин его — большой пестрый дятел. Дупло имеет приблизительно такую форму, какая показана на рисунке. Замечателен самый вход. Он поднимается несколько вверх, и дождевая вода поэтому не может попасть в дупло. Глубина дупла 20—25 сантиметров. В последующие годы после дятлов в таких дуплах постоянно гнездятся разные птицы — дуплогнездники, а дятлы каждый год выдалбливают себе новое дупло.

3. Многие растения угнетающе действуют на другие виды растений и способны убивать микроорганизмы и животных. Советский ученый Б. П. Токин открыл, что растения выделяют в воздух различные вещества. Он назвал их фитонцидами — ядами растений. Стало понятным, почему некоторые растения не могут находиться поблизости одно от другого. Например, фиалки растут среди ржи, но их не найдешь вблизи пшеницы. Для многих растений опасно соседство полыни. А если невдалеке, за метр-полтора, от липы растет груша, то ее ветви изгибаются в другую сторону, словно боясь приблизиться к липе.

Среди цветов особенно агрессивны ландыш и черемуха. От них даже у человека может разболеться голова. В букете, составленном из разных цветов, почти всегда найдутся виды, которые будут действовать на своих соседей угнетающе. Вот почему такой букет завянет скорее, чем состоящий из одних и тех же растений.

4. По одному-единственному яйцу откладывают киви и некоторые крупные морские птицы: исполинские пингвины, кайры, альбатросы, буревестники, фаэтоны, олуши. Два яйца кладут голуби и козодои, некоторые крупные хищные птицы: беркут, бородач, стервятник, а также, как правило, фламинго, поморники, чайки.

Четыре яйца кладут кулики, причем они всегда располагаются в гнезде «цветком», острыми концами внутрь. Исключение представляет кулик-сорока, у которого только три яйца. И форма у них обычная — они не остроносые, как у других куликов.

5. Ответ на кроссворд: 1. Водолюб. 2. Серебрянка. 3. Скорпионница. 4. Вертячка. 5. Гладыш. 6. Тритон. 7. Плавунец. 8. Циклоп. 9. Дафния. 10. Плавт. 11. Водомерка. 12. Лужанка. 13. Прудовик. 14. Карась.

В отрывке из «Детства Никиты» есть несколько биологических неточностей. Прежде всего в последовательности фенологических явлений. Для широты Москвы — это конец апреля: лопнули почки на тополях, пробивается трава, прилетели уже черные дрозды, иволги и, наконец, кукушки. Иволги в этом отрывке прилетели совсем не вовремя. Птица эта прилетает очень поздно, когда совсем распускается листва на деревьях, обычно во второй половине мая, числа 18-го, и, по крайней мере, на две недели после кукушек, которых в Подмосковье можно услышать уже 2—5 мая.

И совсем плохо описана иволга: «зеленая» только самка, но она не поет «медовым голосом», а только лишь кричит, как кошка, которой наступили на хвост. Звучно свистит только самец, но он весь почти, как золото, желтый. Проверьте это, услышав иволгу (а она очень широко распространена в нашей стране), постарайтесь разглядеть поющую птицу в зелени дерева.

— Кто из вас не видел гиацинт? Прелестный цветок, не правда ли?

Но кто из вас предполагал, что есть такие места, где гиацинт считают бедствием, ибо этот хищник... Что делает этот цветок? Читайте.

Плавучие острова

Однажды, выйдя на берег, жители африканской деревушки были озадачены. Вся река оказалась забитой цветущей травой. На многие километры простирались непроходимые речные джунгли. Деревушка оказалась отрезанной от мира. Виной этому был водяной гиацинт, или эйхорния.

Это растение некоторые из вас видели, хотя в Африке и не бывали. Правда, оно очень прихотливо. Подавай ему и жару, и влажный воздух, и сильное освещение, да еще чтобы сквозняков не было. Ведь его родина — тропическая Бразилия. Но привередлив водяной гиацинт только на севере.

Листья растения имеют воздушные черешки. Они как поплавки, поэтому гиацинт не тонет. Черно-лиловые корни берут питание прямо из воды.

Со своей родины это плавающее южноамериканское растение бесстрашно переселилось в другие жаркие страны. Оно пересекло океаны и очутилось в Африке, Южной Азии, Европе.

Вначале гиацинт радовал садовников своими красивыми цветами. Но прошло время. Из одного растения за год выросло 67 миллионов новых гиацинтов! Густые заросли превращались в плавучие острова. Напор этих цветущих голубых островов был настолько сильным, что сваи мостов не выдерживали. И ломались.

Гиацинтовые острова настолько плотны, что человек может спокойно ходить по ним, не проваливаясь в воду.

Плотная масса цветов задерживает солнечные лучи. Рыба задыхается без кислорода. В густых зарослях водяных гиацинтов спокойно поджидают свою жертву ядовитые змеи, крокодилы. В голубых зарослях нашли пристанище целые тучи малярийных комаров.

Гиацинт даже начали встречать в открытых морях. Он уже приспособился к соленой морской воде.

Ученые применяют разные способы борьбы с этим страшным растением. Гиацинт уничтожают ядовитыми химическими порошками. Завезли необыкновенно прожорливую улитку. Ее часто называют «живой косилкой». В помощь ей послали нутрию — грызуна, большого любителя этого растения. А гиацинт захватывает все новые и новые водоемы.

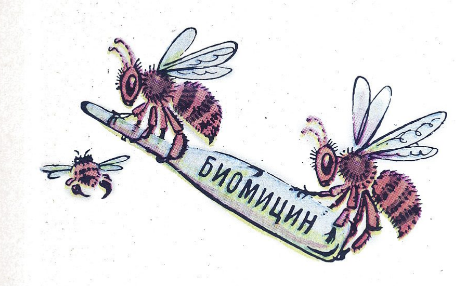

— Прикажи, Мюнхгаузен, и мы полетим куда хочешь. И пусть меня искусают пчелы, если ты услышишь от меня хоть одно непочтительное слово.

— Вы, Хоттабыч, произнесли слово «пчелы» и напомнили мне один любопытный случай. Но я не вымолвлю ни слова, пока мы не окажемся в Московской ветеринарной академии. Наш путь туда!

Если пчела примет лекарство

Ученые Московской ветеринарной академии исследовали воск, из которого состоят соты, пыльцу, маточное молочко

и нашли, что вместе с пыльцой пчелы приносят в ульи... антибиотики. И они решили увеличить их содержание в сотах. И что же? Пчелы стали чаще летать за кормом, и даже те, которые раньше вообще не участвовали в медосборе. Обычно одна пчелиная семья дает двадцать — двадцать один килограмм меда. Пять миллиграммов биомицина сделали то, что меда одна семья стала давать уже двадцать семь килограммов.

И еще интересно: пчелы стали менее раздражительными. Работать с ними можно было без предохранительной сетки.

Не только Викторию Хиль, а и многих ребят интересует: «Носит ли еж яблоки на иголках?»

Отвечает на этот вопрос кандидат биологических наук Игорь Иванович Акимушкин.

Загадал еж людям загадку! Две тысячи лет назад римский натуралист Плиний Старший писал, что еж катается на яблоках-опадышах. Наколет их на иглы, а заодно в рот возьмет и несет куда-нибудь под куст. Так запасает он будто бы провиант на зиму.

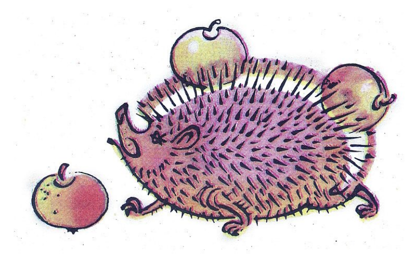
Плиний давно умер и многими забыт, но легенда о еже, ворующем яблоки, живет.

Однако многие зоологи утверждают: яблоки ежу ни к чему — он их не ест, так как он насекомоядный. Да и на зиму ему никакого пропитания не требуется: всю зиму он спит, как медведь или барсук.

Возможно только одно приемлемое объяснение загадочных манипуляций ежа с яблоками.

Замечена склонность ежей к разным кислым и едким веществам. Они любят, например, натыкать на иглы недокуренные сигареты, пытаются водрузить на себя и зерна кофе. Дым табака, запахи духов, клея, валерьянки, некоторых цветов, кофе им приятны: ежи в атмосфере таких запахов, взъерошив иглы, дезинфицируют себя. В этом, возможно, и разгадка тайны!

Замечено также, что птицы «купаются» в муравейниках, взъерошив перья и раскинув крылья. Даже, захватив клювом, давят муравьев о свое оперение. Любят и другими едкими веществами, на манер ежа, дезинфицировать себя. Делается это, по-видимому, для уничтожения паразитов, которые у птиц под

перьями (а у ежа под колючками) нашли безопасный приют.

Итак, еж накалывает яблоки на иглы, наверное, не для того, чтобы потом съесть их, а чтобы кислый их сок (яблоки он таскает обычно дикие и кислые!) выгнал недосягаемых паразитов.

А вот вам и вопросы Почемучек

Это правда, что у божьих коровок возраст определяют по черным пятнышкам на крыльях?

Москва **Надя ДЗЮБА**

Почему скворец так искусно передает голоса других птиц, а остальные птицы не могут этого сделать?

г. Ломоносов **Галя СУРНИНА**

УЧАСТНИКИ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА!

Собирайте в июне: цветы ромашки аптечной, мальвы лесной, липы сердцелистной и сердцевидной, ромашки пахучей, боярышника кроваво-красного, яснотки белой, бузины черной, арники горной, ландыша майского, клевера красного; листья мать-и-мачехи, тысячелистника, дурмана, ландыша, брусники, подорожника, полыни горькой, толокнянки, белены черной, крапивы двудомной, первоцвета весеннего, ореха грецкого, красавки (белладонны), наперстянки крупноцветковой; травы тысячелистника, горицвета, ландыша, анабазиса безлистного, багульника болотного, грыжника гладкого, горца перечного, донника аптечного, золототысячника зонтичного и т. д.

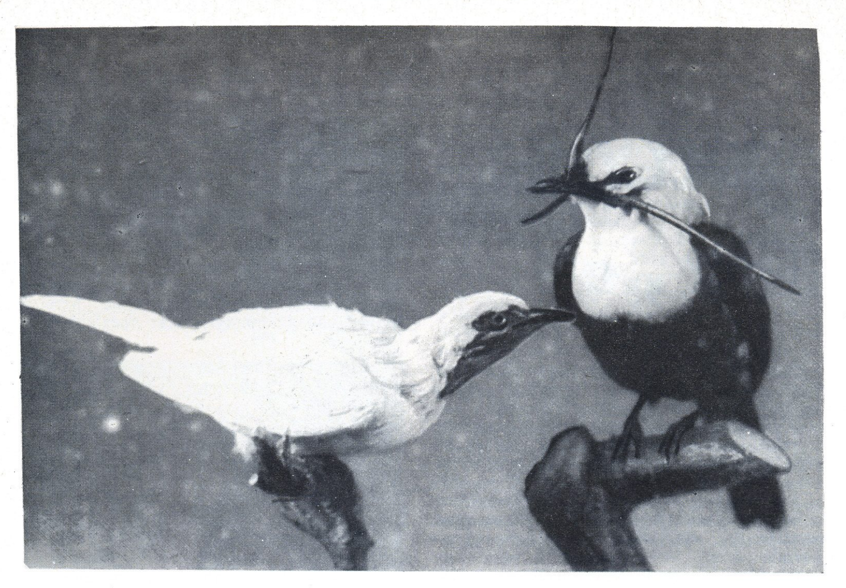
Начинается сбор первой летней ягоды — лесной земляники! Собирайте землянику в сухую погоду и сразу же сушите ее в сушилках или русских печах. Лесная земляника — целебная ягода!

На юг страны пришла горячая пора заготовки корневищ с корнями валерьяны лекарственной. Еще при Петре I в России начался промышленный сбор валерьяны для госпиталей, а лекарственное применение валерьяны известно с древности: о ней писал еще древнеримский энциклопедист Плиний.

За консультацией по сбору и сушке лекарственных растений обращайтесь в заготовительные организации потребительской кооперации. Участникам конкурса засчитывается только та продукция, которая сдана в заготконторы.

Центрокооплектехсырье

Пернатые колокольчики

В лесах Южной и Центральной Америки живут птицы, которых называют колокольчиками, или звонарями. «Звонят» только взрослые самцы.

Колокольчики привлекают внимание своей внешностью, белой или каштановой окраской и длинными выростами у основания клюва. Относящийся к колокольчикам колотильщик, которого вы видите на фото, имеет три таких кожистых выроста, птица звонарь — всего один полый мускулистый вырост. Пока птица молчит, выросты у клюва свисают, а как только запоет, они выпрямляются и торчат вверх и вбок, словно рога. Замолкла птица — и выросты опадают снова.

Голос птиц колокольчиков очень своеобразен. Вот как описывает свои впечатления известный натуралист Ганс Шомбург: «Я услышал из соседнего леса чудесные звуки, каких еще не слышал никогда. Казалось, будто кто-то одновременно ударял по нескольким гармонично настроенным стеклянным колоколам. Я довольно долго стоял, скованный от изумления, и прислушивался, не раздадутся ли снова чудесные звуки».

И в наших лесах можно услышать пернатых звонарей. Флейтой свистит золотистый самец иволги. Словно немазаное колесо, скрипит в сумерках коростель. Эти птицы сигналят, как и колокольчики, отдельными звуками. Большинство же птиц поет, высвистывая определенную мелодию. Славка, соловей, мухоловка — пернатые солисты нашего леса. Вспомните весеннее утро в Подмосковье. Если в лесу не слишком шумно, песня хорошо слышна. При обилии звуков в тропическом лесу лучше выделяются отдельные характерные голоса. В чем же смысл голосового сигнала колокольчика? В гнездовой период самец своим своеобразным перезвоном зазывает самку, а позднее дает знать, что место, на котором он звонит, занято им и его семьей.

П. СМОЛИН

ОПОССУМЫ без „о"

Еще первые путешественники заметили, что австралийские опоссумы очень похожи на американских. Заметили и то, что похожесть эта не полная. Поэтому капитан Кук в донесениях своих и дневниках, описывая этих животных, опускал обычно в слове «опоссум» начальную букву «о». С тех пор так и повелось: чтобы разницу между настоящими опоссумами и австралийскими подчеркнуть, называют последних поссумами.

Местожительством своим избрали поссумы деревья и высокие кусты. У всех у них длинный хвост, часто пушистый или даже перистый. Многие на манер некоторых обезьян хвостом, как рукой, хватаются за ветки — у таких он снизу обычно бесшерстный. Пальцы на лапах, как у коала, противопоставлены друг другу, чтобы крепче обхватывать ветки. Сумка всегда открывается вперед.

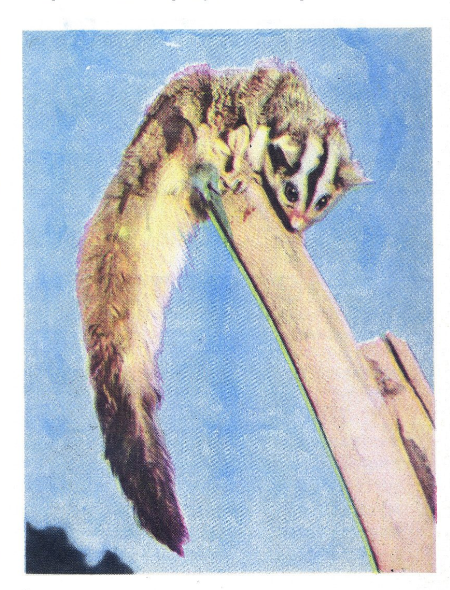
Едят поссумы насекомых, листья, иные сосут нектар цветов. Чаще всего меню их — «винегрет» из всего этого. У некоторых поссумов, как у нашей белки-летяги, кожистая складка растягивается между передними и задними лапами, и зверьки, прыгая с деревьев, парят, словно живые ковры-самолеты, пролетая иногда и тридцать, а самые крупные и сто метров.

Поссум-медоед — трехдюймовая, странная и забавная на вид крошка с рыльцем, удлиненным трубочкой. Всунув рыльце в цветок, сосет сумчатая «трехдюймовочка» нектар и пыльцу. Но если вместе с лакомством какое-нибудь мелкое насекомое ей в рот попадется, его не выплюнет. Крупных мух и мотыльков берет в передние лапки и, аккуратно оборвав им крылья, ест с аппетитом.

Насекомых на эвкалиптах разыскивают и карликовые поссумы — такие же «трехдюймовочки», но без черных полос на спине и вытянутого трубочкой рыльца. Днем они спят, свернувшись калачиком в своих жилищах, построенных из свежей коры, в развилках суков, дуплах деревьев и даже в гнездах. Притом в гнездах, птицами не брошенных! Если поблизости подходящего материала нет, эти крошки путешествуют за лыком иногда очень далеко — за полкилометра.

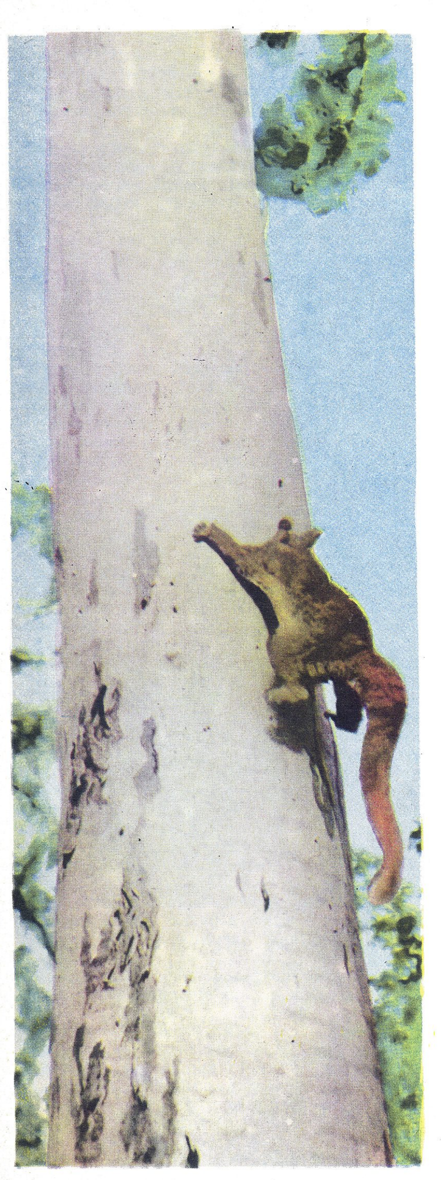
Ночь придет — пробуждаются. Скачут и лазают по деревьям, цепляясь хвостом за ветки, исследуя крохотной мордочкой каждый цветок: ищут разных насекомых.

К зиме тельце и хвостик карликовых поссумов заметно полнеют: в них под кожей на холодное время года предусмотрительно запасены стратегические резервы жира. Холода придут, спят трехдюймовые

поссумы в своих гнездах, будто медведи в берлогах, шесть недель, а то и больше. Ушки, засыпая, сворачивают, как солдаты скатку, чтобы никакой шум не мешал. Пробуждаясь, не сразу стряхнут с себя сонное оцепенение: повиснут, хвостом зацепившись за ветку и поджав лапки, и висят часами в этой неудобной, на наш взгляд, позе.

Карликовый поссум для людей, решивших его приручить, совсем не обременителен: он не капризничает, ест почти все, что дают: кузнечиков, мух, мотыльков, тараканов, мучных червей, личинки, даже пауков. А кроме того, овес, разные зерна, миндаль, мед, молоко. Воду однажды такой невольник пил очень забавно: окунал в нее эвкалиптовые листья, а потом облизывал их.

Одного четырех-пятидневного детеныша сумчатой белки-летяги (размером с монету!), мать которого погибла, кормили молоком через соломинку. После двух капель крошка заметно раздувался и есть больше отказывался.

Так через час по две капли кормили приемыша, а на пятый день он уже сам пытался, как котенок, лакать молоко из чайной ложки и при этом довольно попискивал. Через два месяца молока ему стало мало — начал с ловкостью ловить и есть разных мух и моль. Особую слабость питал к личинкам ос, гнезда которых бесстрашно разорял. В четыре месяца сумчатый бельчонок был уже полной копией своей погибшей в когтях кошки матери. И таким же, наверное, как она, стал чистюлей, зубами и когтями долго причесывал свою серебристую шкуру.

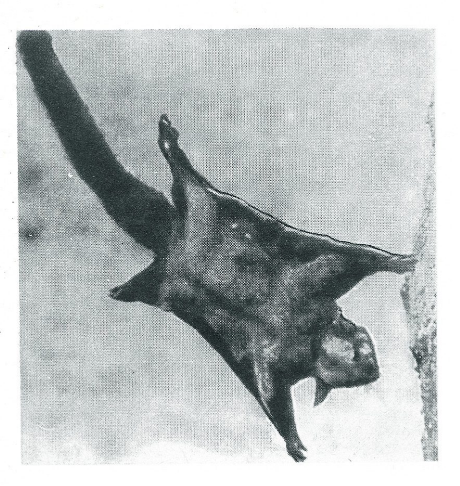
Любил он, когда угощали его печеньем и кексом или пускали поохотиться на сверчков и стрекоз. Поймав, разрывал их на куски и ел, выбросив лишь жесткие крылья. С оконной шторы планировал прямо на вазу с цветами, рыскал в них мордочкой, вынюхивая нектар, и часто ронял вазу с грохотом на пол.

Акробат, или карликовая перохвостая летяга, — самая крохотная из всех сумчатых летяг. Днем акробаты спят в шаровидных гнездах, сплетенных из листьев эвкалиптов и ободранных с деревьев лоскутьев коры. Ночью оживают и затевают веселые игры и гонки вокруг деревьев на «парашютах», как и наши летяги в таежных сумерках.

Еще четыре вида сумчатых летяг на природных своих коврах-самолетах летают в лесах на востоке и севере Австралии. Ростом они вдвое и втрое, а большая сумчатая летяга и в пять раз крупнее перохвостого акробата-лилипута. Все, кроме большой летяги, листьев не едят, а только насекомых, фрукты и нектар.

Когда гнезда строят, то, повиснув на задних лапах вниз головой, откусывают листья и, прижав их ворох к груди передними лапками, несут в «дом». Иногда листья переносят и в кольце поджатого вниз хвоста, как утконос и крысиные кенгуру.

В одном прыжке от дерева до дерева пролетают большие сумчатые летяги нередко сто метров, а в нескольких быстро следующих друг за другом прыжках, на миг касаясь деревьев, и больше пятисот! Эту немалую дистанцию оставляют они за своим хвостом в считанные секунды. Так что, по-видимому, за ночь улетают сумчатые аэронавты довольно далеко от дома. Ночами они оглашают округу пронзительными резкими криками, которые заканчи-

ваются серией странных булькающих звуков.

По веткам, балансируя длинным хвостом, бегают большие летяги ловко. За эту ловкость и получили они научное родовое имя шоинобатов, что значит «канатные плясуны». Но как ни проворны канатоходцы, лисы, видно, еще проворнее, потому что нередко ловят больших летяг, хотя на землю те почти никогда не спускаются. Наверное, хватают их, когда летяги планируют низко у земли. Другой их ненавистный враг — лесная сова.

Большие летуны не разделяют вкусов своих малых собратьев: насекомых не едят, а только побеги, цветы и листья деревьев. Случается, объедают цветы и листья на яблонях, чем садоводы, понятно, весьма возмущены.

Днем спят в гнездах, сплетенных из лыка, содранного с эвкалиптов, и выложенных внутри эвкалиптовыми же листьями. Заготовки для гнезда таскают, подцепив их хвостом.

У летяги детеныш бывает один. Прожив у мамы безмятежно «за пазухой» четыре месяца, он перебирается к ней на спину и верхом на родительнице путешествует по ночному лесу.

Мех кольцехвостых поссумов большой коммерческой цены не имеет. Вероятно, поэтому их еще довольно много в лесах Австралии. Кольцехвостыми прозвали поссумов потому, что хвост их почти всегда свернут на конце в кольцо, даже если зверек и не обхватывает ветку. Обычно же он крепко держится за сучки, будто боится упасть, выпустив опору. Зверьки очень доверчивы и нередко селятся в садах и парках на окраинах больших городов.

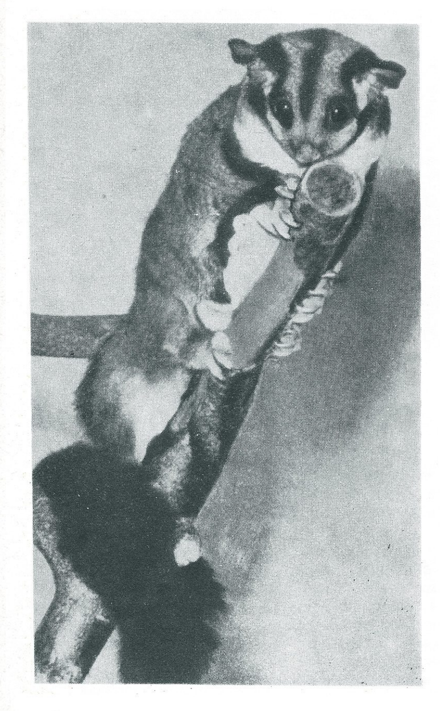
Кольцехвостые поссумы очень медлительны. Человека увидев, замирают, устремив на него отсутствующий взгляд. Потом медленно лезут, орудуя хвостом, как цепкой рукой, куда-нибудь в гущу листвы. С дерева на дерево обычно не прыгают, а как бы переползают: дойдут до самого конца ветки, та под тяжестью зверька согнется, и он, уцепившись за нее хвостом и повиснув вниз головой, ищет передними лапами опору. Найдя, переползает. По земле зверьки бегают довольно быстро, но совсем не грациозно, поскольку короткие ноги и чересчур длинный хвост, кольцом вниз загнутый, для такого дела мало пригодны.

По ночам люди часто слышат в Австралии приятные, похожие на птичьи, звуки. Трудно поверить, что это кричит зверь. То вокальные упражнения кольцехвостых поссумов. Когда дерутся, зло ворчат. Когда напуганы, верещат, будто наши белки.

Еще несколько разновидностей поссумов своей беготней и криками оживляют ночами леса Австралии. Самые крупные (с кошку) и самые известные — лисохвостые поссумы, или кузулисы. Они нередко поселяются под крышами домов, на чердаках и по ночам возней и ссорами не дают спать. Мех у них красивый — серебристо-серый, густой, плотный и довольно дорогой. В пушной торговле именуют его, без всякого, впрочем, основания, то бобром, то опоссумом, то скунсом, а то даже и аделаидской шиншиллой.

Теперь кузулисы почти повсюду под охраной закона, и охота на них разрешена лишь в определенные сезоны.

Острая мордочка, лисьи ушки и хвост пушистый — совсем лисий. Только лапки — как у всех древесных сумчатых: с цепкими когтистыми пальцами. Кончик хвоста снизу голый, чтобы удобнее за ветки держаться, и сумка на животе. Так что лиса, да не та...

Редкое животное так мало щепетильно в выборе жилища, как кузулис. И кроны стометровых эвкалиптов ему годятся, и низкорослые кусты, и густые тропические леса, и редкие рощи по долинам рек, и расщелины в голых скалах, и дыры в обрывах рек, и кроличьи норы в открытой степи, и даже чердаки под крышей.

Аборигены уверяют, что кузулисы, как только услышат в сонной дремоте. что варан лезет к ним на дерево с кровожадными намерениями, вместо того чтобы скорее бежать, сидят, как загипнотизированные и кричат от страха. Охотники, учтя их непонятную слабость, имитируют шорох ползущего по стволу варана, царапая палкой о кору, и обманутые зверьки не разбегаются, а лишь в ужасе жмутся друг к другу.

Два других ненавистных. врага кузулисов — клинохвостый орел и динго, которая раскапывает зверьков, спрятавшихся в кроличьих норах, в дырах по обрывам и между корнями деревьев.

Пропитание кузулисы ищут на деревьях и кустах, временами опустошают и сады. Разоряют птичьи гнезда, едят мертвых птиц, возможно, и кроликов.

В 1858 году обычного кузулиса, а позднее и тасманийского, завезли в Новую Зеландию. Многие новозеландцы считают, что поссумы теперь бич новозеландских садов, лесов и... электропередач. Заберутся на телеграфные столбы и, устроив короткое замыкание, сами погибнут и «целый город оставят без света». Потому приходится новозеландцам обивать столбы с электропроводами жестью, чтобы кузулисы залезть не могли. В Новой Зеландии нравы лисохвостых переселенцев стали более хищными: немало птичьих гнезд разоряют они на новой родине, не найдя, по-видимому, излюбленных своих вегетарианских лакомств.

Рассказ о поссумах закончим кускусом. Родина его, очевидно, Новая Гвинея с прилежащими островами. Отсюда переселились кускусы в Австралию, но лишь на крайний север — в тропические леса полуострова Кейп-Йорк. Зверьки довольно крупные, с большую кошку. Ушки у них маленькие, едва заметные в гуще меха, у самцов светлые пятна неопределенным мраморным рисунком разбросаны по спине. Но главное — хвост. Он наполовину голый, бесшерстный и порос жесткими чешуями.

Кускусы днем спят, свернувшись в развилке ветвей. Ночью медленно и тихо, на манер американских ленивцев или азиатских толстых лори, переползают с ветки на ветку. Едят листья, но если и сонную ящерицу поймают или найдут гнездо с птенцами, без смущения отправят их в свой всеядный желудок. Из всех поссумов кускусы наиболее плотоядные.

Еще три вида поссумов населяют леса Австралии и шесть видов проживают в Новой Гвинее, но они мало изучены и ничем, насколько известно, не замечательны. Поэтому беды большой не будет, если знакомство наше с ними не состоится.

И. АКИМУШКИН

Испытание на прочность

Почти в каждой школе, в каждом дворе найдется заброшенное место, где царствуют сорняки, или уголок, где когда-то сажали цветы, а потом перестали — их всегда вытаптывали. Вот на таких заброшенных местах мы предлагаем высадить растения, которые не боятся ни жары, ни холода, ни сорняков. Их можно оставить без присмотра на целое лето, и они не погибнут. Эти растения не вытопчут: большинство из них высокие.

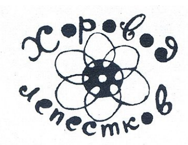
И в тени и на солнцепеке красиво выглядит телекия прекрасная. К июлю это карпатское растение вырастает до 1,5 метра и покрывается большими желтыми цветами с коричневыми серединками. Красиво! У ног телекии можно посадить ковер из толстых прочных листьев бадана толстолистного. Это неприхотливое растение хорошо оформить камнями. Такая куртина бадана напомнит каменистые осыпи сибирских гольцов, откуда родом это растение. И зимой и летом листья бадана зелены. В июле из розетки этих листьев поднимается соцветие с нежно-розовыми цветками.

Так же хороша кавказская гостья — гроссгеймия крупноголовая. У нее, как и у телекии, крупное соцветие, которое по форме немного напоминает наш василек, только желтый и очень большой. Красивы и розовая астильба китайская и желтый красоднев Миддендорфа.

Для тенистых заброшенных мест подойдет лабазник дланевидный. Он высокий, с огромными листьями и нежными бело-розовыми соцветиями. В тени прекрасно растут желтый бузульник сахалинский, шелковистый мискантус краснеющий и фиолетовый аконит прекрасный. Все они родом с Дальнего Востока.

А на солнечных местах очень легко разрастается колосняк мягкий с красивой листвой.

Растения, о которых мы вам рассказали, неприхотливы. Но это не значит, что за ними не нужно совсем ухаживать. Потрудиться придется в первый год, а затем они сами не подпустят к себе сорняки.

Декоративные каменистые горки

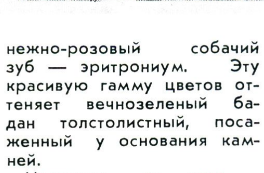
Найдите на школьном дворе или пустыре место с неплодородной почвой, совсем непригодное для пышных пионов или роз. Вот такое место как раз подойдет для создания рокария, как теперь называют каменистые горки. К почве растения каменистых горок очень неприхотливы, ведь и в природе они стелются по скалам и никто за ними не ухаживает, никто их не поливает.

Итак, собраны самые разнообразные камни, насыпана почва. Можно высаживать растения. Какие? Мы вам о них сейчас расскажем.

На горке много растений, которые образуют фон. Прежде всего это ковры княженики арктической с нежно-розовыми цветками, посаженной с северной стороны, где она быстро разрастается.

А с южной стороны стелется бурачек ленский с мелкими желтыми цветочками, оттененными сероватыми кругленькими листочками. Рядом с мелким бурачком быстро разрастается еще более яркий очиток гибридный. Он тоже цветет желтыми цветками, только раньше бурачка.

Мелкие нежно-розовые цветочки гвоздики-травянки — тоже прекрасный фон. На этом цветочном ковре разбросаны камни. Их можно класть прямо на фоновые растения, а между ними посадить большими группами цветущие ранней весной крупку брунелистную, на первый взгляд напоминающую миниатюрные желтые шарики, голубую пролеску сибирскую с поникшими колокольчатыми цветками и нежно-розовый собачий зуб — эритрониум. Эту красивую гамму цветов оттеняет вечнозеленый бадан толстолистный, посаженный у основания камней.

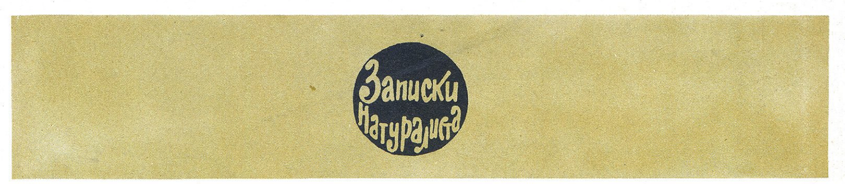

Недалеко от него — группа нежных гвоздик, которую осенью сменит колючник бесстебельный с розеткой колючих листьев и круглым, как тарелка, цветком.

Вот сколько растений уместилось на одной каменистой горке!

Все эти растения неприхотливы, хорошо размножаются как семенами, так и делением. Бурачек ленский, очиток гибридный, гвоздику-травянку, пролеску сибирскую, гвоздику Гельцера и уральскую лучше сеять семенами, а остальные растения хорошо размножать вегетативно.

Красивые дикарки имеют еще одно хорошее качество — их не нужно сеять каждый год, а если сильно разрастутся фоновые растения, то и полоть почти не придется, только следите, чтобы они не глушили нежные пролески и эритрониумы.

ДЯТЕЛ

Было рано. Я проснулся от сердитого птичьего спора и взглянул в окно. Оказывается, вернувшиеся в старый дом скворцы выселяли непрошеного жильца — дятла, привыкшего за зиму считать себя хозяином. Они кричали, налетали на него. Он не сладил с дружным натиском и улетел. Скворцы заняли квартиру и, успокоившись, через несколько минут отправились по своим делам. Дятел был недалеко и наблюдал за хозяевами. Когда они скрылись из виду, он снова забрался в домик.

Вскоре вернулись скворцы, и опять возобновилась борьба. Дятел был изгнан вторично. Он перелетел на соседний дуб, прилепившись к засохшему сучку, как будто что-то обдумывал. Потом подлетел к скворечнику и начал долбить по нему изо всех сил клювом. Удары были частые, шумные. Скворцы не выдержали и со свистом вылетели. Дятел прекратил стук и юркнул в домик.

С сожалением я оторвался от наблюдения и уехал на работу. А вернувшись, поспешил к окну. Около скворечника суетились скворцы: один таскал пушинки, сухие травинки, а другой принимал, высовываясь из окошечка. Похоже было, что они после выгнанного квартиранта убирали гнездо по своему вкусу.

В. ВИКУЛИН

СОРВАННАЯ ОХОТА

Стоял один из тех тихих солнечных дней, которыми так богата Киргизия. Жара к полудню чувствовалась даже в верховьях Джетыогузского ущелья, по которому я пробирался к небольшому горному озерцу. Крутой подъем утомил. Выбрав тенистое место под большим камнем, нависшим над узенькой тропкой, я решил отдохнуть. Только устроился, как почти над головой, круто снижаясь, опустилась к соседним скалам стайка горных индеек-уларов. Это был нынешний выводок из девяти молодых птиц со старкой-матерью. Молодь была ростом не более кеклика, но уже крепко держалась на крыльях.

На скальной площадке уларка осмотрелась и уверенно повела семью в широкую каменную нишу, которую я сразу не приметил. Молодые, повозившись в песке и почистив перья, вскоре притихли. Видимо, тепло разморило их.

С большим вниманием рассматривал я в бинокль этих осторожных, чутких птиц. Прошло минут десять. Стояла тишина. Вдруг я увидел лису, крадущуюся к каменной нише. Только хотел я встать, чтобы предотвратить лисью расправу, как чуть ниже птиц громко, пронзительно заверещал сурок. Улары, поднявшись на крыло, с шумом взмыли в воздух. Лиса, не таясь, подошла, обнюхала место, где отдыхали птицы, и нехотя улеглась на ка-

мень. Неподалеку от нее, поднявшись столбиком у норы, такую же тревогу протрубил второй сурок. Лиса кинулась к нему, но тот мгновенно исчез в подземелье. С остервенением начала лисица раскапывать нору, но это оказалось ей не под силу. Через минуту-другую пыл ее иссяк, и она не солоно хлебавши поплелась разыскивать более доступную добычу.

К. БЕРЕНС

ЛЕСЬКА

Жаркое лето.

Я сижу у озера и любуюсь зеркалом воды, среди которой пушистыми подушками шапок-мхов застыли древние затопленные пеньки.

Я жду лося. Долго жду. И вдруг за спиной у меня — тяжелые шаги по сухой сосновой хвое.

Я замер, боясь пошевелиться, скосил глаза вправо и окаменел: совсем рядом светло-бурый лось. Он спокойно глядит в озеро.

Я сижу весь на виду, только голову чуть пригнул за ветки ивового куста. Все как при игре в прятки, когда тебя уже обнаружили, но ты сидишь, надеясь, что за травой не видно.

Снова шаги и хлюпанье воды в прибрежном мху. Краем глаза вижу: лось вошел в озеро по колено и стоит, наслаждаясь, наверное, тем, как холодные пузырьки приятно щекочут изъеденные оводами ноги.

Тихий плеск. Чуть поднимаю голову. Лось делает еще несколько шагов, заходит по брюхо и опускает морду в воду.

Что он делает? Вроде бы жует. А воронки настороженных ушей повернуты назад и чутко ловят каждый шорох. Снова шумное журчание воды, и вот я вижу поднятую горбоносую лосиную морду и длинную зеленую бороду водорослей, с которых бегут светлые струи.

Так вот что жевал лось под водой! Видимо, водоросли очень вкусные. Ест, пока хватает дыхания. Потом шумно отдувается и снова жует.

Я сижу в неудобной позе. Пытаюсь чуть привстать, и, как выстрел, щелкает сучок под ногой.

Лось моментально поднимает голову и, даже не оглянувшись, шумным галопом, в каскадах брызг бросается наискосок к берегу. Потом останавливается, глядит на меня и, словно поняв, что никакой опасности нет, спокойно шагает среди сосновых стволов в гору.

Сейчас такие встречи не редкость, да кого удивишь встречей с лосем! Но все это лишь маленькие кусочки из жизни этих интересных животных.

Мне повезло. Я часто бывал в Волжско-Камском заповеднике, встречал лосей, фотографировал их. Присматривался к лосиному семейству. Один из лосят был самец. В нем уже чувствовалась особая царственная осанка, гордым и степенным был каждый поворот головы.

Лоси передвигались неслышно, как тени, и растворялись среди елей совершенно неожиданно. Будто приснились.

А мне хотелось побольше узнать, как они живут, что едят, как играют.

Случай представился неожиданно. Однажды я узнал, что у директора заповедника живет лосенок, найденный в лесу. Так я познакомился с Леськой и уже все лето при каждом удобном случае навещал ее.

Утро ярким, сияющим светом залило дощатый забор, заросли крапивы вокруг старого бревна, белые ромашки среди травы.

Где-то рядом замычала корова, позади дома залилась лаем хозяйская собака. В щелях забора замелькало веснушчатое лицо соседской девушки.

— Дядя Петя! Это я. Молоко принесла.

На заборе повисли мальчишки со всего

поселка — сейчас будут кормить найденыша.

Директор вышел на двор, шагнул к загончику, и калитка со скрипом открылась.

— Пожалуйте завтракать! — шутливо сказал директор. Посмотрев на нескладную фигурку лосенка, он задумчиво добавил: — Да, кстати, как же тебя звать?

— Леська! Назовите Леськой! — крикнул кто-то из ребят.

— Что же, хорошее имя! Леська так Леська.

В руках директора появилась бутылка молока с соской. Лосенок лежал не двигаясь.

— Э, да тебя упрашивать надо! — засмеялся директор.

Но только лишь Леська почуяла запах молока, как схватила в рот соску и, обо всем забыв, стала пить.

Молоко побежало струйками по морде.

— А теперь надо с ней погулять, — опять послышался ребячий голос. — Скучно, наверное, весь день в загоне сидеть!

Сразу решили идти на прогулку в парк. Парк был особенный. Там росли самые разные деревья со всех сторон света: и из Америки, и из Европы, и с Дальнего Востока. Вот где будет раздолье Леське!

Петр Михайлович сильными руками поднял длинноногого малыша и под радостные крики ребят понес его.

И вот первые шаги по траве. Леська стоит в нерешительности и оглядывает себя с таким видом, словно хочет сказать: «Зачем мне такие длинные ноги?»

Она тянется за мягкой, сочной травинкой и вдруг падает на колени. Что за длинные ноги, и такая короткая шея!

Как нелегки первые шаги! Но Леську интересует все. И если бы она могла говорить, то задала бы, наверное, множество вопросов. Что это там за елочкой? Какой-то овраг, а на дне его страшно шумит вода. Леська еще никогда не видала воды. Шум, плеск, бледные блики играют на низко склонившихся кустах. А там, дальше, огромная лужа — целое море для маленького лосенка. Леська пятится назад, хочет бежать и чувствует, как сильно устала.

И снова сильные руки поднимают ее над землей, и широкая ладонь человека гладит по спине.

— Ну, Леська, чего ты испугалась? Мы все с тобой. Не унывай.

Глаза Петра Михайловича озабоченны.

— Да ты устала, дрожишь вся. Хватит прогулки. Пойдем-ка домой.

У директора заповедника и без лосенка забот хватает. Леську кормит жена Петра Михайловича. Она знает, как обращаться с маленькими зверятами: кто уж только не жил у них в доме здесь, в заповеднике!

Леська быстро подружилась со своей хозяйкой. Куда Анна Петровна, туда и она. Только вот беда: проходу нет от собак на улице. Лишь в парке, обнесенном высоким забором, лосенок мог ходить свободно.

Прошло почти два месяца с того дня, когда Леська попала к людям. Уже все в округе знали: в заповеднике живет веселый лосенок.

За это время Леська подросла. Шерсть на ней стала длинная и ужасно лохматая. Исчезли смешные кудряшки на лбу, а уши казались уже не такими огромными.

Леська ежедневно гуляла с Анной Петровной и так же требовала молока. Но теперь на прогулках с аппетитом поедала калину. Почему-то листья именно с этого кустарника полюбились лосенку.

Однажды Анна Петровна попыталась напоить лосенка молоком не из соски, а из корытца. Но Леська обиделась. Отвернулась от новой кормушки и весь день ничего не ела. Даже осунулась. Но из корытца пить молоко отказалась напрочь.

— Ну и характер у тебя! — смеялась Анна Петровна. — Молоко подавай только из соски, а уж воду — обязательно из корытца!

Но, кроме молока, для Леськи ежедневно готовилось новое блюдо: мелко нарубленные огурцы и зеленые помидоры. Эту зеленую кашу Леська ела с удовольствием. За один раз управлялась с целым тазиком, вылизывая все до последнего кусочка.

Леська бродила по саду, изредка жуя траву и молодые листья кустов, и однажды снова услышала шум ручья. Этот шум напоминал шелест дождя по листьям. Леська смело пошла к оврагу, с любопытством глядя на большую лужу, которая разлилась в том месте, где ручей перегородило бревно.

Вдруг из воды на Леську глянуло длинномордое рыжее существо с влажными глазами и большими подвижными ушами. Может быть, с этим существом можно поиграть? Леська, как жеребенок, взвилась ввысь, опираясь только на задние ноги, и со всего размаху ударила передними копытами по увиденной в воде рыжей морде. Полетели брызги, вода покрылась рябью.

Лосенок ждал. Вода мало-помалу успокоилась, и рыжая морда взглянула на Леську как ни в чем не бывало. Леська снова прыгнула на эту любопытную мордашку, обдав себя холодными брызгами. Очень хорошо! Игра пришлась по вкусу!

С этого дня Леська целые часы проводила за новой игрой.

Посмотреть на Леськину забаву приходили все работники заповедника. Можно было сидеть на склоне оврага и подолгу

Рис. С. Аристокесовой

глядеть, как резвится молодой лосенок. А он все разбегался и каждый раз воинственно налетал на своего неподдающегося противника. К Анне Петровне возвращался потом мокрый, но довольный и счастливый.

Незаметно подошла осень.

Целыми днями лосиха пропадала в парке. Бродила среди багряных осин, золотых берез, изредка обгладывала тонкие веточки кустов.

Больше всех Леська любила все так же Анну Петровну. Сразу приходила на ее зов. И вместе они подолгу гуляли по аллеям старого парка, усыпанным шуршащим ковром сухих листьев.

Уже давно в заповеднике стали подумывать о том, что делать с Леськой дальше. Сначала хотели выпустить ее в лес. Но там ее могут повстречать браконьеры. А она такая доверчивая — сама подойдет к охотнику.

Отдавать в зоопарк Леську не хотелось — скучно будет ей в неволе.

Однажды к директору заповедника пришло письмо из Костромы. В нем говорилось, что ученые создают под Костромой ферму для изучения лосей. Там уже есть восемь животных, и ученые будут рады получить Леську.

На фермах лосей обучают многому. Ходить в упряжке, например, или возить на себе седока. Ведь лось гораздо сильнее и выносливее любой лошади.

В заповеднике решили, что ферма — лучшее место для Леськи. А пока в жизни повзрослевшей лосихи не происходило никаких перемен.

Поздняя осень. Анна Петровна идет в парк.

— Леська! Лесенька!

Из кустов появляется красивая молодая лосиха. Ноги и бока ее забрызганы водой.

— Ах ты, шалунья! Опять играла?

Женщина обнимает лосиху за шею. Леська отходит на шаг и вдруг игриво подпрыгивает. Мотнув головой, она резко отбегает в сторону.

— Хоть и взрослая, а все бы только играть! — Глядя на свою воспитанницу, Анна Петровна задумывается. — Эх, Леська! Не знаешь ты, что скоро предстоит расставание...

Анна Петровна задумчиво идет по осеннему парку, а за ней, словно тень, бесшумно шагает Леська — крупная, стройная лосиха, выросшая среди людей.

Из поднебесья доносится громкое курлыканье. Неровный клин журавлей тянется над лесом, над озерами. Из-за серой низкой тучи выглядывает солнце. Оно играет на стволах берез, зайчиками пляшет под ногами на аллее. Неслышно падают листья. На кустах крутятся синицы, они тоже роняют на землю маленькие желтые солнца...

В. БАЙДЕРИН

ЧИХУАХУА

Редкие породы собак всюду вызывают изумление: на выставках, во дворах, на соревнованиях и в городских парках. Так же и чихуахуа. Собаку эту предположительно в 1957 году впервые привезли в ФРГ. Подкупила она всех своей родословной и необычно крохотными размерами. Недаром ведь ее считают самой маленькой собакой в мире. Впервые, как полагают, чихуахуа объявилась в США 80 лет назад. И сразу стала «модной». Число любителей держать в доме этих собак росло как снежный ком. Если в 1952 году в американском Кеннель-клубе зарегистрировали 15 тысяч чихуахуа, то в 1954 году эта цифра возросла до 24 тысяч. Теперь твердо установлено, что в США, например, среди карликовых пород чихуахуа по популярности держит первенство. И это несмотря на некрасивый, в какой-то мере уродливый внешний вид собаки. Посудите сами: голова как яблоко, косо поставленные уши, прямо летучая мышь, к тому же крохотный размер. Это ли не чудо!

Чихуахуа признана собакой чисто американского происхождения, причем довольно таинственного, о чем сложены многочисленные легенды. Предполагают, что в очень далекие времена она прошла путь из Китая через Берингов пролив и Северную Америку в Южную и Центральную Америку. Родиной ее считается Мексика. На древних мексиканских пирамидах встречаются изображения этих маленьких собачек. Такие же изображения найдены на древних глиняных сосудах, извлеченных из храмов и гробниц. Видимо, следы ведут к кочевавшим в те далекие времена ацтекам. Передвижение их происходило в XIII веке, и лишь в 1425 году они обосновались в Мексике, воздвигнув среди озер свою столицу Теночтитлан. Ацтеки поклонялись восьми божествам, изображающим животных, и одним из них была маленькая собачка, похожая по внешнему виду на чихуахуа.

Первое сообщение о ней привез в Европу Христофор Колумб. Именно он в докладе королю Испании писал о маленькой породе собак, которые не могли лаять, хотя и были приручены. В Южной и Центральной Америке местные жители — аборигены разводили этих собачек для религиозных обрядов. Из ожиревших собачек приготовлялась священная пища для первосвященников. Часто со смертью высокопоставленного владельца чихуахуа приносили в жертву и клали с хозяином в могилу. Об этом говорят мумии собачек, найденные в могильниках.

Когда-то чихуахуа называли собакой-подушкой. Некоторые хозяева держали ее для того, чтобы греть ноги. Правда, с тех пор много воды утекло, и чихуахуа успела переменить несколько названий: мексиканский терьер, орнаментальная собака, собака-доносчик, пока не получила официальное название породы по имени штата Чихуахуа, расположенного на северо-западе Мексики.

До сих пор в этой стране утверждают, что чихуахуа жила в диком состоянии в мексиканской пустыне. Но возможно, ее спутали со светло-желтым грызуном, и по сей день обитающим в пустыне, в штате Чихуахуа.

Однако вернемся к самой чихуахуа. Маленькая собачка эта хорошо приспосабливается к любому климату. Зимой любит поваляться в глубоком снегу, с большим увлечением охотится за полевыми мышами, крысами и даже кроликами. По своему развитию чихуахуа совершенно не отстает от больших собак — считается безукоризненным сторожем, твердо знает дом и хозяина (не бродяга).

Чихуахуа невосприимчива к заболеваниям и живет долго, часто до 15—16 лет. Известен случай, когда собачка дожила до 24 лет.

Окрашены чихуахуа разнообразно. Встречаются красные, золотистые, песочные, кремовые, черные, серебристые собаки с различными оттенками.

Чихуахуа участвуют в показательных выступлениях на послушание наряду с другими дрессированными собаками. Уморительно смотрится, как такая крошка подает поноску, по приказанию садится или ложится даже тогда, когда хозяин находится на изрядном расстоянии от нее. Был случай, когда обученная чихуахуа, точно выполняя приказания, как-то странно ерзала на том месте, где ей было приказано ложиться: при проверке оказалось, что там был муравейник.

Мексиканцы гордятся своей маленькой собачкой и по национальному обычаю часто дарят ее самым почетным гостям. Однажды известная певица Аделина Патти обнаружила в подаренном ей букете цветов крошечную чихуахуа. С тех пор эту собачку она брала с собой в гастрольные поездки по всей планете.

На этих страницах вы видите собачку чихуахуа по кличке Тоска.

А. ИВАНОВА

«Барсик».

Оля КУЗНЕЦОВА
Ленинград

Крылатая радуга. Так поэтично называют подчас бабочек. Без этого живого орнамента потускнел бы многоцветный июнь.

Чтобы изучить бабочек, не обязательно вооружаться марлевым сачком. Немного наблюдательности — и прекрасные насекомые доверчиво раскроют вам тайны своей жизни.

А фотоохотникам оставят красочные визитные карточки. Такие, которые вы видите на 1-й и 4-й страницах нашей обложки.

Фотографии эти выполнил Виталий Гуменюк.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

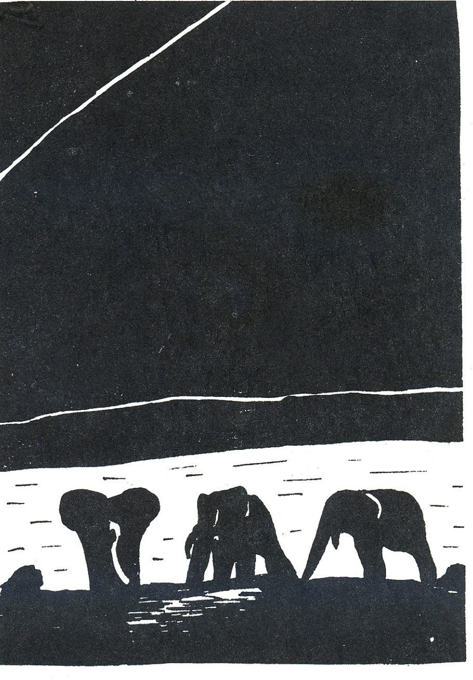
Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор З. А. Сутченко

Сдано в набор 6/IV 1970 г. Подп. к печ. 5/V 1970 г. А02601. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 900 000 экз. Заказ 620. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«СЛОНЫ».
Алик Тараненко
г. Раменское

«СКОРО ОБЕД».

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Дождь по крыше бегает,
Кружится, поет,
Капельками белыми
По окошку бьет.
Воздух наполняется
Ритмом дождевым.
Мне сегодня кажется
Этот дождь смешным.
Дождь танцует, кружится,
Землю бороздя.
Нравится мне музыка
Быстрого дождя.

Семен Ретинский
г. Жданов

20 коп.
Индекс 71121